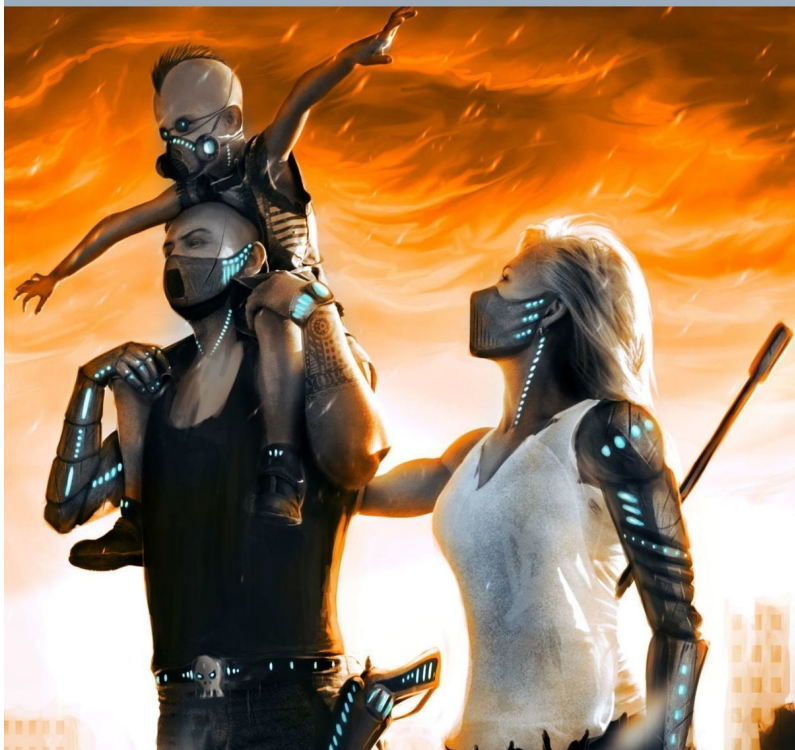


Александр Ермаков
Отметчик и разносчица

Фантастический роман



Александр Ермаков
Отметчик и разносчица.
Фантастический роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24427753

ISBN 9785448368325

Аннотация

В глубинах космоса, на далекой планете, в оккупационной зоне противника коптит небо адская перевалка, узники которой пленные инопланетяне. Отметчик Марк, заключенный с пожизненным сроком, единственный землянин в этом гиблом месте. Чтобы осуществить план побега, ему нужен помощник. Как укрепить волю, не потерять самообладание в условиях жестокого плена и коварных интриг? Совесть – это абстрактное и эфемерное понятие или конкретный участок мозга, генерирующий спасительные импульсы высшего разума?

Содержание

Побег с перевалки	6
1	6
2	12
3	15
4	18
5	23
6	26
7	29
8	33
9	37
10	41
11	45
12	50
13	54
14	56
15	61
16	65
Возвращение	70
1	70
2	74
3	76
4	82
5	85

6	88
7	92
8	95
9	102
10	106
11	110
12	114
13	117
14	120
15	124
16	127
17	130
18	136
19	140
20	143
21	146
22	151
23	154
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Отметчик и разносчица Фантастический роман

Александр Ермаков

Дизайнер обложки Сайт картинок и обоев на рабочий стол
www.1zome.me

© Александр Ермаков, 2018

© Сайт картинок и обоев на рабочий стол www.1zome.me,
дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4483-6832-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Побег с перевалки

Часть первая

1

Рассвет на перевалке Плеширея, как всегда был красным. Небесное светило, звезда Глуми, едва показавшись над горизонтом, окрасило весь окрест свекольным цветом. Терриконы черепов, костей, золотых коронок, украшений, урановой руды, контейнеров с радионуклидами, бытовой техники и запчастей разбитых звездолетов приняли томатную ванну.

Постепенно красный цвет уступал место оранжевому, затем желтому, зеленому, голубому, синему и фиолетовому. Так на протяжении всего глуминианского дня перевалочный комплекс окрашивался всеми цветами светового спектра. Переход от одного цвета к другому проходил незаметно. И нельзя было четко определить, когда Глуми меняет свою окраску. Так и сутки разделялись по цвету: завтрак был оранжевым, обед – зеленым, а ужин – фиолетовым. Когда Глуми исчезало за горизонтом, забирая с собой последние лучи, на перевалке резко наступала темная, хоть глаз коли, холодная ночь с мириадами точек дальних и ближних звезд на черном полотне бесконечного неба.

Отметчик Марк встретил рассвет, как всегда, на рабочем месте, на смотровой вышке, с которой хорошо просматривалась одна десятая часть всей территории перевалки. Марк, заключенный с пожизненным сроком, выключил свет и впустил через смотровое окно первые лучи восходящего Глуми. Он был единственным человеком, представителем земной цивилизации, в этом гиблом месте – филиале вселенского ада, где обслуживающим персоналом были исключительно роботы, киборги, и инопланетяне низшего уровня, у которых напрочь отсутствовала соображалка и доминировали плотские инстинкты. Управлял перевалкой комендант Плеширей – страшный, злой и беспощадный мракобес молмутской нации, тринадцатый клон черного короля Укисрака, со своими верными солдатами, с пепельными лицами рогатыми извергами, чье рычание, гавканье и злорадный смех слышались повсюду. Космические кочевники, как горох из рога изобилия, высыпались из коллектора времени на планету и в одночасье захватили вайвайский Почемурий, обещая аборигенам тотальный геноцид и полное уничтожение.

Всякий раз, когда Марк смотрел своими оленьими глазами на террикон из черепов разного калибра и происхождения, он по-новому влюблялся в свою работу:

– Лучше сидеть на вышке, чем украшать своими костями эту проклятую свалку, – вслух размышлял Марк, поглаживая за ухом место, где был вшит капсуль-ликвидатор, сред-

ство от побега. – Ну, где же завтрак?

Красный час истек, и Марк второй раз перевернул песочные часы. Вдруг раздалась трель велосипедного звонка. Он вздрогнул и посмотрел на монитор. У дверей топталась знакомая горбатая фигура. Марк нажал на кнопку и впустил разносчицу в противогазе – старушку Су. Она с термосом прошла в рубку, и дверь за ее спиной со звуком «ж-ж» быстро закрылась.

– Чем порадуешь? – потирая ладони, спросил Марк.

Старуха ничего не ответила. Она не понимала русского языка, на котором говорил землянин. Разносчица поставила на стол термос и начала стягивать противогаз.

Марк давно стал ломать языковые барьеры, а потому изучил несколько языков, на котором говорили обитатели перевалки. Он даже завел тетрадь, где в виде словаря, в столбик записывал новые иностранные слова. Тогда отметчик поправил себя:

– Что, опять батвушки? – на ломанном вайвайском языке снова спросил он.

– Да, – ответила старуха и вывалила из термоса в железную миску две маленькие лепешки из картофельной кожуры, затем в кружку принялась наливать кисель.

– Как всегда с бромом? Ну и правильно, а то ещё изнасилую, – улыбнулся Марк и подмигнул старушенице.

Морщинистая разносчица засмеялась и, показав Марку

с единственным зубом рот, прохрипела:

– Если не меня, то мою сменщицу.

– А у тебя разве есть сменщица?

– Сегодня вечером дам дуба. Я это чувствую. Уже доложила коменданту. Я бы и после обеда ушла в мир иной, но хозяин приказал потерпеть, пока сменщицу не доставят. Она по моложе меня будет, как пить дать. Так что, смотри, не наломай дров. С беременными тут возиться не будут.

Марка огорчила и обрадовала эта новость одновременно. С одной стороны было жалко старушку. Он привык к ней. Её шаркающая походка действовала на него как успокаивающее средство. С другой стороны ему так хотелось увидеть новое лицо. А вдруг землячка?

– Не падай духом! Ты мне ещё не разонравилась, – попытался подбодрить старуху землянин.

– Прощай, Марк. Как только на исходе дня погаснут последние лучи ультрафиолета, и Глуми исчезнет во мраке ночи, меня уже не будет.

– Тогда какого хрена ты на работе? Отдыхала бы перед смертью. Проведи это время впустую, займись ничегонделаньем, поваляйся на нарах, утопи в воспоминаниях прожитой жизни. Что еще?

– Нет, не хочу. Пусть будет всё, как обычно. Я не хочу это неизбежное событие как-то выделять, придавать ему особую значимость. Тогда сразу станет грустно. Я очень старая

и не боюсь смерти. Единственное о чем мечтаю, чтобы моя душа не угодила в сети Укисрака, обошла все его ловушки, чтобы ангелы меня спасли и доставили в рай, где я снова увижу всех своих мужей и детишек. Ведь я, Марк, совсем одна. Никого у меня не осталось. Всех уничтожили эти проклятые мракобесы.

– Тогда я попрошу коменданта, чтобы мне отдали твой череп. Пусть лучше он хранится у меня, чем валяется на свалке.

– Попробуй. Я буду тебе очень признательна, – старуха надела противогаз и пошла к выходу.

Марк проводил ее взглядом и, закрыв дверь, посмотрел в окно:

– Да, пыльно. А впрочем, как всегда, – и он взялся за багетчики.

Марк посмотрел, как разносчица, преодолевая вихревые порывы пыли, села в дрезину, и робот-машинист повез ее к следующей смотровой вышке, которая находилась в километре на юго-запад. Там хозяйничал старый заключенный Барока, гуманоид с планеты Фиос. Марк видел его живьем всего один раз, когда их привезли на перевалку. Но поговорить не удалось. Будь он проклят, этот чертов языковой барьер! Всего вышек было десять. С их обитателями Марк мог общаться только по видео связи, которая была не лучшего качества. В конце дня, в фиолетовое время, у всех отметчи-

ков всегда был мониторинг с комендантом перевалки.

2

Вдруг на экране появилось страшное лицо коменданта. Он громко рявкнул:

– Марк, дохлая крыса! В начале оранжевого час откроешь ворота, запустишь три грузовика. И в журнале отметь. Смотри, не прозевай, скотина!

– Хорошо, – без эмоций ответил Марк, давно привыкнув к жаргону бугра.

Отмечать в вахтенном журнале все погрузки и выгрузки было его прямой обязанностью. Ещё раз в месяц он покидал свою вышку и, нарядившись в химзащитный полосатый комбинезон и противогаз, выходил к новой партии смертников и списанных роботов, чтобы поставить каждому свой порядковый номер. Всем без исключения номер наносился метчиком при помощи специального прибора нестираемой люминесцентной краской на лоб. Эта была работа не из легких. Марк всеми фибрами ненавидел ее, как и самого коменданта – страшного и злого Плеширея.

Марк использовал печатный автомат-трансформер «Шлёп» с прикладом и телескопическим стволом в виде швабры. Эта телескопическая швабра и была печатным органом. Марк набирал на прикладе номер, вставлял в затвор баллончик с краской, приставлял смертнику ко лбу испол-

нительный орган и нажимал на спусковой крючок. С характерным звуком номер до конца дней фиксировался на лобном месте узника перевалки.

Работа была не только тяжелой, но и опасной. Опасность заключалась в том, что все смертники пытались как-то негативно отреагировать на процедуру – схватить отметчика и совершить членовредительство. По мере агрессивности арестанта Марк выставлял длину швабры, чтобы находиться от смертника на безопасном расстоянии. Охрана крепко держала узника, а отметчик делал свое дело. Когда номер отпечатывался на лбу, Марк говорил: «Готово! Давай следующего!» и менял номер на прикладе.

Работа была вредной и в моральном плане. Страдал не только сам отметчик, но и его родные, дальние родственники и предки. Приходилось выслушивать разное и терпеть брань и нецензурщину. Пару раз досталось и Марку. Но затем охрана стала использовать кляп и затыкать смертнику рот. Работать стало намного легче.

У отметчиков номеров на лбу не было. Этим они отличались от остальных. Конечно, номера были, но только на плече, на бумаге и на жестком диске коменданта. Этим Плеширей давал понять, что отметчики не просто узники, а контрактники, занесенные в штат перевалки. А контракт был длиною в жизнь. Этим комендант подчеркивал их особый статус, ведь мало кому понравится носить на лбу свой поряд-

КОВЫЙ НОМЕР, СВОЙ ПОЗЫВНОЙ, СВОЕ НОВОЕ ИМЯ.

3

Старушка Су была единственным живым существом, с которым отметчик Марк мог увидеться и пообщаться вживую. Когда он начал понимать ее язык, многие его вопросы нашли ответы, и картина происходящего стала намного яснее. От нее он узнал, что находится в оккупационной зоне на планете Почемурий, где существует вайвайская цивилизация, представителем которой она и являлась. Но, после вторжения темных сил, планета потеряла свой первоначальный облик. Перевалки и концентрационные лагеря росли как грибы. Она, как и многие вайваи, лишилась крова и семьи, и ушла в подполье. Спрятавшись в дремучих лесах, они оказывали сопротивление неприятелю, вели партизанскую войну. Но однажды она в составе разведгруппы попала в плен, и перевалка распахнула перед ней свои колючие объятия.

Был оранжевый час. Марк дожеввал батвушку, запил киселем и откинулся на спинку старого офисного кресла. Скоро на экране появились грузовые аэросвалы. Они вынырнули из густого облака пыли и подлетели к воротам. Марк нажал нужные кнопки и дернул за рычаг. Ворота разъехались, и грузовики проникли на территорию перевалки.

– В первом что? – спросил Марк, наклонившись к микрофону.

– Черепа! – ответил рогатый пилот.

– К первому террикону. Во втором что?

– Кости! – ответил водитель аэросвала.

– Ко второму давай! Что в третьем?

– Коронки и золотой лом!

– У тебя третий террикон! Конец связи! – и Марк отключился.

Он перевернул песочные часы, открыл журнал и сделал нужные записи.

В рубке имелись и электронные часы. Они были вмонтированы в пульт управления. Но Марку последнее время нравилось пользоваться именно песочными, которые подарила ему разносчица Су. Он бережно их переворачивал и в минуты затишья наблюдал, как пересыпаются песчинки. Он невооруженным глазом видел ход времени.

В эти минуты он размышлял и вспоминал былое. Каждый раз, когда в памяти всплывали картинки его прошлой жизни, ему хотелось расплакаться. И он большим усилием воли давил в себе эти спазмы. Он не был военным, не был солдатом космического спецназа, не был штурманом военного звездолета-истребителя, не был гражданским пилотом пассажирского авиалайнера, а был обычным машинистом кранолета на воздушных подушках. Он был обычным наемником, который погнался за длинным рублем и подписал полу-

годовой контракт на работу в экстремальных условиях.

Марк работал в тылу, в освобожденных от врага труднопроходимых зонах, цеплял магнитным захватом искореженную технику и сваливал в грузовые звездолеты. Хотя его кранолет был очень старым и без приборов безопасности, Марк умудрялся на нем работать как с поверхности бывшего поля боя, так и с воздуха.

Но однажды враги выбросили десант. Эта была хорошо спланированная операция. Ничто не предвещало беды. И вдруг, откуда не возьмись, в небе показались черные купола парашютов псов преисподней. Марк дремал. Он даже глазом не успел моргнуть, когда получил оглушительный удар по сопатке, и кровь забрызгала кабину кранолета...

Он очнулся в трюме вражеского звездолета среди кучи мертвых тел. Марк попытался отыскать живых и подал голос, но ему никто не ответил. Долго вражеский объект в неизвестном направлении бороздил космос. Так землянин очутился на перевалке. Затем солдат в рогатом шлеме с электрошокером искал живых. Когда слабый заряд тока «укусил» Марка за плечо, он закричал и затрепыхался. Его вытащили и показали коменданту.

4

Шел оранжевый час. Марк безучастно смотрел в окно, краем глаза следя за монитором. Перевалка шевелилась, как большой муравейник. Тысячи смертников, мутантов и списанных роботов суетились, выполняя поставленные задачи. На первый взгляд казалось, что на огромной территории творится беспорядочный хаос, царствует не поддающееся логике бессмысленное столпотворение. На самом деле у каждого были свои инструкции, свои обязанности, свой маршрут.

Длинная колонна рабочих роботов толкала вагонетки с костями и черепами в сборочный цех. В этой толкучке и теснотище тишины не было. Перевалка гремела, пыхтела и чадила, как живой организм. Тут и там слышались разрывы капсулей-ликвидаторов. Знать, у кого-то не выдержали нервы.

Сборочный цех – это было место не для слабонервных. После долгой работы там, многих по ночам часто мучали душераздирающие кошмары. В этом страшном месте можно было снять не плохой ужастик под названием «Карнавал в морге». Марк когда-то там работал, и его карьера отметчика началась именно в сборочном цехе. Он проверял дефектоскопом черепа и кости, и ставил на них печать «ОТК». Если обнаруживался какой-то дефект, брак отсеивался и на-

правлялся на сортировку.

Он не раз видел, как собирают скелетов для фронта, как их наштиговывают начинкой и пеленают в искусственную кожу, как вставляют искусственные глаза с фотоэлементами, как укладывают электронные мозги. Получались этакие криворожие управляемые зомби, программа которых была прошита исключительно для ведения боя. Это были одноразовые солдаты низшего уровня, пушечное мясо. Второй раз их уже не восстанавливали. Останки прямым ходом отправлялись на утиль.

Лишь с наступлением второго фиолетового часа перевалка успокаивалась и затихала. Зажигались фонари, что тоже входило в обязанности отметчика, и работяги расползались по спальным блокам, которые в целях экономии места были вытянуты не в длину, а в высоту.

Ох, уж эти спальные блоки! Марку пришлось одно время ютиться в них. Ему еще повезло, и он спал на двадцать втором ярусе. А многим приходилось после тяжелого дня карабкаться по железной вертикальной лестнице и на сто тридцатый, а то и выше. Частенько слабые срывались и разбивались в лепешку. А если нужно было справить нужду, приходилось спускаться вниз. Чтобы избежать этого узника, в нарушение всех правил, опорожнялись прямо со своих мест, доставляя дежурному по блоку и всем ниже живущим массу хло-

пот. Тогда начальство установило видео камеры. Нарушители отправлялись «жить» на самый верх. И, не дай бог, ты не спустишься вовремя на утреннее построение! Тебя ждали штрафные работы по очистке канализации, где смертность была самой высокой.

С началом красного часа на всей территории перевалки звучала сирена, которая будила всё живое. Но если этого было не достаточно, дежурный нажимал кнопку, и тут же из всех без исключения нар-полок выезжали острые шипы. Они больно впивались в заспанное тело каторжника, вызывая стопроцентное пробуждение.

Жуткий храп на все басы, стоны, кашель, крики от увиденного кошмарного сна, плач – всё это, резонируя, сливалось в одну звуковую какофонию и мешало спать. Марк это помнил, а потому ценил свое рабочее место и держался за него руками и ногами, ведь он спал прямо у себя в рубке на старой скрипучей раскладушке. Он даже мог побриться, почистить зубы и посмотреться в осколок разбитого зеркала. Но, самое главное, у него был унитаз и смывной бачок.

Марк невольно вспомнил один случай из жизни в спальном блоке. Как-то раз после рабочего дня в сборном цехе он встал в очередь, чтобы забраться по лестнице на свой этаж, не раздеваясь, лечь на нары и моментально уснуть. Марк уже начинал втягиваться в режим и научился мгновенно отклю-

чаться, не обращая внимания на внешние факторы. Он стоял в длинной очереди и стеклянными глазами смотрел на лестницу, по которой карабкались усталые пленники адской перевалки. Марк даже не провожал взглядом случайно сорвавшихся и падающих вниз, до такой степени ему уже было на всё наплевать. Мысли его тупо кружились вокруг одного желания – вытянуться на нарах и провалиться в царство Морфея.

Тогда он, как и все, носил на лбу свой порядковый номер, фосфорная краска которого светилась в темноте. Только комендант мог убрать номер специальным прибором, который носил на связке ключей в виде брелока.

Толчок сзади вывел Марка из ступора. Он увидел перед собой лестницу и, взявшись за холодные железные покрытые грязью и слизью поручни, начал свое восхождение. Вдруг над головой раздался крик. Марк понял, что это очередной «летяга» и, прижавшись к лестнице, стал ждать. Сорвавшийся приближался. Он махал руками и пытался за что-нибудь зацепиться. Несчастный умудрился схватить землянина за рукав и оторвал его. Марк чудом удержался и, посмотрев вниз на распластанное тело, полез дальше. Он забрался на свои нары и отключился. Мысль, которая последней испарилась из головы, была: «Я живой».

Думы о побеге не покидали кранолетчика с первого дня пребывания на перевалке. Эти мысли давали какой-то

стимул, наполняли его существование, пусть утопическим, но смыслом. На вопросах «Куда бежать?» и «Как это сделать?» Марк прекращал размышления. Это был тупик. Он не знал, где находится, что это за местность, каким образом осуществить задуманное.

В ту ночь, лежа на своей полке, Марк в робе без рукава снова подумал о побеге. Но когда мысли уперлись в наболевший вопрос, он размяк и, не найдя ответа, крепко уснул.

Отметчик Марк не заметил, как наступил желтый час, и его рубка окрасилась в лимонный цвет. По факсу пришла распечатка дневных рейсов. Марк взял листок и углубился в чтение. Он быстро опустил глаза в конец списка. Ему хотелось скорее отыскать «Колымагу» – это пассажирское крыто, звездолет с решетками на иллюминаторах, старую космическую полуторку с пленными на борту. Так и есть: звездолет оказался в конце списка, в начале фиолетового часа. Почему-то интуиция подсказывала, что на нем привезут новую разносчицу, замену старушке Су.

Всё остальное время он непрерывно работал. Когда наступил зеленый час обеда, Марк машинально перевернул песочные часы и громко крикнул в микрофон:

– Звездолет «139» с мороженой скунсиной последний в очереди! И ворота закрываются! У меня обед! Через час продолжим! – Марк выключил видео связь и закурил.

Разносчица пришла по расписанию. Отметчик впустил старушку и стал ждать, когда она стянет противогаз:

– И зачем ты его надеваешь, когда вечером сдохнешь?

– Привычка, – старуха с крошечным носом стала открывать термос.

– Ну как ты? – поинтересовался Марк.

– Худо мне. На, вот, – она вывернула карманы и высыпала из них содержимое. – Пусть это хранится у тебя, авось пригодится. Мне это уже ни к чему.

Марк окинул взглядом безделушки, лежащие грудой на столе. Он разглядел бельевую прищепку, разнокалиберные пуговицы, булавку, фантики от конфет, сложенные в геометрические фигуры, бензиновую зажигалку, гитарную струну, скрученную колесиком, и бог знает, что ещё:

– Где ты это набрала? И не лень же было носить всю эту дребедень в карманах?!

– Не лень, Марк. Эти безделушки мне все по-своему дороги. На этой бельевой прищепке я сушила трусы своего первого мужа. Этой булавкой я спасла жизнь второму, уберегла от импотенции, проколола фурункул на детородном органе. Эта пуговица с кальсон третьего мужа, а эта резинка от трусов четвертого. Этой зажигалкой я всегда опаливала волосы в ушах и в ноздрях пятому мужу. Ему очень нравилось. Этой струной мой шестой муж, герой-подпольщик, чистил зубы, когда мы прятались в катакомбах. Этой сплющенной гильзой с сушеными козявками внутри любил играть мой первенец. В эти фантики мы играли со вторым ребенком, а эту пуговицу я еле достала пинцетом из носа третьего. Это молочный зуб четвертого, это коренной пятого, это резец шестого. А этой персиковой косточкой подавился седьмой, – разоткровенничалась старуха. Она явно увлеклась воспоминаниями, и ее обесцвеченные временем глаза вспыхнули жи-

ВИТЕЛЬНЫМ ОГОНЬКОМ.

Марк даже слегка засомневался в намерениях старухи сегодня вечером непременно «дать дуба». Такой он ее ещё никогда не видел:

– Судя по количеству перечисленных предметов, ты вспомнила меньше половины. И сколько же их у тебя было?

– Кого? Мужей или детей? – и, не дождавшись ответа, старуха выпалила. – Уже и не помню. Точно не могу сказать. Всех вместе где-то около полусотни.

– А ты репродуктивная была! – и Марк захлопал в ладоши. Он сгреб всё в пакет и положил в верхний ящик стола. – Хорошо, я позабочусь. Ну, что там у нас сегодня на обед? Как всегда?

– Да, грибной суп, – разносчица налила черпаком в тарелку мутную жидкость с кусочками шампиньонов.

Марк вооружился ложкой и принялся за еду:

– М... Ничего. Пойдет....

6

Обед еще не закончился, и рубка купалась в тархуновой ванне. Марк прилег на раскладушку и закрыл глаза. До конца зеленого часа оставалось чуть меньше четверти, и он это время решил провести в раздумьях:

«Бедная Су. Жаль ее. А, может, старость на то и дана, чтобы безразлично относиться к смерти? Неужели старость – это полное смирение перед неизбежностью? М... Да... Но я еще не старик и не собираюсь умирать, тем более глупо и нелепо, – и он потрогал за ухом капсюль-ликвидатор. – Интересно, в какой стороне Земля? Эх, мне бы звездный атлас и звездолет! Я бы быстро разобрался в расчетах. Думаю, им управлять не сложнее чем кранолетом. А на Земле Канары, а на Земле Версаль! Боже, ведь я семье так и не показал Париж! А ведь обещал, когда вернусь с командировки. Жене обещал новую хлебопечку. Как она готовит кудрявые булочки с вареной сгущенкой! Это просто песня. Как надоели эти батвушки, не передать! Дочери обещал кабриолет. Ей уже шестнадцать. А сыну всего пять, он еще маленький. Я ему обещал большого робота-трансформера, чтобы непременно умел играть в шахматы и петь песни голосом Шаинского. Боже, а вдруг я в другом пространственно-временном континууме? А вдруг с момента нашей последней встречи прошло

много времени и моей семьи давно уже нет? И Земли тоже нет?» – Марк похолодел и резко встал. Верхняя часть песочных часов была пустой.

Он нажал на кнопку экстренной связи с комендантом. На экране появилось страшное лицо:

– Что хотел, пороссячий хвост? – рявкнул Плеширей.

– Я насчет разносчицы Су, – виновато начал Марк.

– Да, сегодня вечером этой старой крысы уже не будет. Ну?

– Она попросила, чтобы ее череп отдали мне.

– На память что ли?

– Так и есть.

– Валяй, земная блевотина! У меня этого добра навалом. Заберешь у дежурного. Расписаться у него не забудь в получении, сопливая обезьяна! – и Бугор исчез с экрана.

Марк и не подозревал, что всё так легко решится. Он довольно потер ладони и улыбнулся: «Видать, в хорошем настроении. И обзывал мало. Прямо, удивительно».

Все последующие голубые и синие часы он работал в поте лица: строго по списку запускал на разгрузку аэросвалы со всякими сыпучими техническими материалами, выпускал военные челноки-пульсвисты дальнего следования и пассажирские звездолеты с новобранцами из сборочного цеха. Что поделывать? Шла война в галактических масштабах и линия фронта была бесконечной. Свет сражался с тьмой. Доб-

ро с кулаками топталось на ринге, пытаясь нанести сопернику – коварному злу сокрушительный удар, послать неприятеля в нокаут.

В начале фиолетового часа прилетел звездолет с новой партией арестованных в сопровождении конвойных пульсвистов – спереди, сзади и по бокам. Во главе эскорта на двухместном сверхскоростном космическом челноке, в пассажирском кресле сидел рогатый начальник конвоя. Он запросил у отметчика разрешение на влет. «Мне бы такой аппарат, я бы не растерялся», – подумал Марк, наблюдая, как шустрый пульсвист начальника конвоя, облетев скопление звездолетов, быстро проник в открытые ворота перевалки.

Марк снял с вешалки свой печатный автомат, раздвинул-задвинул ствол-швабру, вставил баллончик с краской, положил в карман список каторжников с номерами, натянул противогаз и пошел навстречу судьбе. Он запрыгнул в свою персональную дрезину с надписью «отметчик» на боку и помчался по узкоколейке к площадке приемки, отрезая на ходу конечности внезапно оступившимся зазевавшимся смертникам.

«Стой!», «Куда?» – Марк постоянно пытался криками предотвратить наезды. Но дрезина резко тормозить не умела, а его предупреждения оставались в противогазе. Даже если бы не было резиновой маски, вопли, как капли в океане, растворялись бы в общем грохоте перевалки. Что поделать –

теснотища.

Когда произошел первый наезд, Марк сделал умозаключение, что теснота – это ещё одна составляющая адских мучений, также как беспорядок, языковой барьер, равнодушие, отсутствие страха, чувств и угрызений совести. Марк понял, что настоящий ад – это когда тебе на всё наплевать и ты превратился в сплошную кость без сердца и нервов. Чуть позже он пополнил этот список и добавил в него храп. Марк даже порадовался за себя, что храп его так достает: «Значит, я еще не до конца окостенел и превратился в скотину. Еще не всё потеряно».

На плацу отметчика встретил начальник конвоя. Каторжане стояли в шеренгу, переминаясь с ноги на ногу. Они ждали своей участи в одноразовых респираторах. Их лица покрывала серая пыль. Пленные, то и дело, щурились и чихали в малонадежные маски. Марк сразу заметил ее. Это была стройная блондинка с длинными волосами. Это была землячка! Остальные выглядели более чем странно и являлись представителями инопланетных цивилизаций. Они были явно неземного происхождения: какие-то непропорциональные головы, формы тел и конечностей. Но на судьбу инопланетяне не обижались. Такими их создал Всевышний, наградив каждого разными эстетическими чувствами и стереотипами прекрасного.

Марк быстро пересчитал заключенных и сверил со спис-

ком. Всё верно – сорок голов. Затем через переговорное устройство обратился к начальнику охраны:

– Эту подстричь под «ноль»! – он указал пальцем на грудастую блондинку. – И, давай, по одному заводи в табельную.

Начальник молча кивнул и махнул солдатам. Двое подошли к девушке. Один согнул пленницу в пояс и зажал между колен, а другой быстро машинкой для стрижки волос обработал голову под бильярдный шар. Блондинка пыталась сопротивляться, но ее умирили электрошокером.

«Для твоей же пользы. В целях личной гигиены, детка. Блохи, вши, лишайная перхоть, иностранные бородавки здесь повсюду. Когда увидишь, как летяги хватают за волосы и увлекают за собой, сразу возрадуешься», – подумал Марк и пошёл в табельную. Он включил свет, снял автомат и вытянул ствол на два метра, затем выставил нужный номер и стал ждать.

Двое солдат завели заключенного. Они крепко держали инопланетянина за руки и плечи. Ему сняли респиратор, засунули кляп и прислонили к стенке. Щелкнули зажимы и зафиксировали голову. Марк осторожно приставил «шлеп» и нажал на курок. Через секунду на лбу несчастного высветился пятизначный номер.

– Готово! Уводи! – Марк дал команду и солдаты потащили на площадку приемки нового заложника перевалки.

Процесс пошел. Марк мастерски делал свое привычное дело, меняя баллончики с краской. Пару раз его пытались достать ногой, но он легко увернулся. Когда завели блондинку, Марк был уже весь мокрый. Отметчик аккуратно шлепнул заключенной на лоб номер, хотя лысая девушка трепыхалась и пыталась что-то кричать. Её спелые упругие груди вздрагивали под комбинезоном с биркой стюардессы космических авиалиний. На бирке красовалось имя «Виктория». Марк по достоинству оценил ее формы, которые на все сто процентов отвечали его вкусам и стереотипам прекрасного. «Хорошо, что я в противогазе и она не видит моё лицо. Пришлось бы потом долго извиняться и объясняться» – подумал отметчик и махнул рукой солдатам. Охрана быстро увела несчастную лысую красавицу на площадку приемки.

Марк снял противогаз и вытер коротко стриженую голову полотенцем. Он закурил и посмотрел на часы: « До конца смены осталось совсем немного. Старушки уже, наверно, нет. Вот, и еще один день пролетел бестолково и отвратительно. Словно я смотрю какой-то дурацкий сон и не могу проснуться. Как будто, всё происходит не со мной. Ладно, пойду, исполню последнюю волю умирающей».

8

В конце фиолетового часа Марк закрыл табельную. В противогазе, с автоматом наперевес, он запрыгнул в дрезину и направился на «разборку». Так назывался разборочный павильон сборочного цеха, куда в последний путь провожали тела умерших заключенных. Это было жуткое место со своими разделочными станками и комбайнами, моргом и крематорием.

Отметчик показал на КПП, смотрящему в окно, рогатому вахтеру фигу – негласный пропуск работников перевалки и беспрепятственно прошел на черепной склад. Шум работающих механизмов заглушил шаги и скрип открывающейся железной двери.

Дежурный черт сидел в кресле, закинув грязные ботинки на стол, курил и ковырялся в носу.

– Я за разносчицей, – начал Марк.

– Вон, она на полке, – черт бросил в ту сторону очередную козявку в виде серого шарика. – Долбаная пыль уже достала! Полный нос этой хрени.

Марк сразу узнал череп старушки по одному единственному зубу, который она иногда показывала, когда ему удавалось ее рассмешить. Он бережно снял череп с полки и, об-

мотав полотенцем, положил в рюкзак:

– Ну, бывай! – кинул он дежурному. – Противогаз носить надо, тогда и пыли в носу не будет.

– Что, самый умный? – огрызнулся черт. – Я уже три противогаза рогами порвал. Чуть в штрафбат за вредительство не уpekли.

– Спили рога, если мешают.

– А ты отрежь себе уши. Что, больно будет? Вот, и мне больно.

Марк ничего не ответил и поспешил к выходу. Он вернулся на смотровую вышку как раз вовремя. Начинаясь вечерний мониторинг с комендантом. Отметчик плюхнулся в кресло и включил связь. На экране появилось страшное лицо Плеширея, и бывший машинист кранолёта непроизвольно икнул.

Хотя смотровая вышка Марка была первой, мониторинг почему-то всегда заканчивался на нем. Он стал рассеянно слушать отчеты других отметчиков, вспоминая новую разносчицу. Низкий бас коменданта привел его в чувства:

– Марк, вонь страусиная! Я слушаю!

Марк быстро отчитался о проделанной работе, заглядывая в журнал.

– Это всё? – рявкнул Плеширей.

– Да.

– Череп забрал?

– Так точно!

– Покажи!

Марк быстро развернул полотенце и показал в камеру череп старушки.

– Отжужжалась старая зеленая муха! – засмеялся комендант, показав всем черный язык и огромные желтые клыки. – Я помню молодой эту дерзкую вайвайку. Никто здесь столько не протянул, сколько эта вяленая мышь. Так что, храни, береги, тряпочкой протирай! Понял, протухший осьминог?

– Понял.

– Как тебе новая разносчица? – спросил бугор и, не дождавись ответа, продолжил. – Смотри у меня, шлепок коровий, никаких там шуры-муры! Узнаю, убью обоих! А теперь слушайте сюда! – он обратился ко всем отметчикам. – Завтра у чертей большой праздник! День крупнорогатого скота! Так что объявляю выходной. Перевалка работать не будет. Никаких перемещений, разгрузок и погрузок. Рабочая перхоть будет отсыпаться. А вечером всех ждут праздничное построение, концерт и танцы.

– Танцы, что это такое? – осмелился перебить коменданта и задать вопрос торонетянин – любопытный отметчик с четвертой вышки, гуманоид без затылка с планеты Торо.

– Это по-вашему – кривлялки! Понял, червивый глаз! Бля, ещё раз кто-нибудь перебежит, тому кадык вырву! Слушайте дальше! Будет много гостей. Их примут центральные ворота. Остальные заблокировать! Завтра работают только

повара, разносчицы и отметчики до построения. Вам смотреть за порядком на территории. Чтобы никаких хождений и блужданий до вечера! С началом первого фиолетового часа включите праздничное освещение! И мои любимые гирлянды не забудьте. На построении чтобы все были в парадных противогазах. Потом снимите. Будет вам праздничный ужин, прожорливая саранча! Так что наедайтесь на целый год, голодные вшивые бурундуки! Ну что, с наступающим, мореные беременные тараканы! – засмеялся бугор и исчез с экранов.

Хорошая новость подняла настроение, и Марк в сердцах заулыбался. На его памяти это был первый выходной на перевалке, исключая День Темной Армии, когда протяженность обеда увеличивалась вдвое, и всем без исключения давали по буханке черного хлеба и по банке кабачковой икры. Но чтобы целый выходной, такое было впервые! Знать, дела на фронте у мракобесов пошли в гору.

Марк взял череп старушки, протер тряпочкой и поставил на полку рядом со старыми вахтенными журналами и технической литературой: инструкциями отметчика и результатами тринадцатого съезда мракобесской партии Укисракской империи. Землянин достал пакет с безделушками старой разносчицы и, вывалив на стол, еще раз стал перебирать их пальцем. Марк нашел струну и отложил ее в сторону. Затем пошарил глазами по комнате. Вспомнив, и заглянув под раскладушку, он достал оттуда самодельный струнный инструмент, выполненный из распиленной вдоль ножки стола и большой консервной банки:

– Вот, ты где, моя балалаечка! – обрадовался Марк. Он вставил струну и натянул ее при помощи плоскогубцев.

Теперь струн было три, и землянин подумал: «Класс! Можно уже и аккорды брать. Спасибо, старушка Су». Он

нашел в кармане самодельный медиатор из куска сломанной логарифмической линейки, настроил свою «домбру-балалайку», сыграл гамму «до мажор» и взял первое трезвучие:

– Пойдет, – буркнул Марк и, закинув ногу на ногу, начал вспоминать старые земные мелодии.

Он вспомнил матросскую песню «Яблочко», и мелодия заполнила смотровую вышку. Когда-то в детстве Марк играл в сельском клубе на балалайке и навыки остались. Отметчик виртуозно высекал тремоло, переставляя пальцы на грифе своего самодельного «банджо»:

– Эх, яблочко! Куды ж, ты котишься? К черту в лапы попадешь, не воротишься! – мурлыкал себе под нос отважный кранолетчик.

Марк вспомнил старые народные хиты: «Черный ворон», «Эх, мороз, мороз!», «Прости, Земля!» и «Поворот». В перерывах он дул на свои, давно не видевшие струн, пальцы и продолжал.

Наигравшись, землянин спрятал инструмент и плюхнулся на раскладушку. Сон не приходил. Марк лежал с открытыми глазами и продолжал молча петь: «...И зацветает трын-трава, и соловьем поет сова, и даже тоненькую нить не в состоянии разрубить стальной клинок!»

Вдруг череп старушки заговорил, а единственный зуб запульсировал красным светом, как светодиод в режиме ожидания:

– Доброй ночи, Марк! – пробулькала черепная коробка. Ответной реакцией отважного машиниста кранолета была холодная испарина, мгновенно покрывшая всё тело. Он проглотил язык. – Это я, старушка Су. Не пугайся. Я сейчас всё объясню, – на русском родном языке Марка протараторил череп.

– Ничего не понимаю. Бред какой-то. Да, постарайся объяснить, – отозвался тихим дрожащим голосом Марк.

– Помнишь, я тебе рассказывала про сопротивление? Так, вот. Мой единственный зуб, который сейчас мигает, это всего-навсего маячок. Он передает координаты перевалки в ставку, ведь этот чертовый концлагерь постоянно перемещается. Да-да, представь себе. Не знаю, как они это делают, но вся эта адская территория не стоит на месте. Эту кузницу мракобесов надо срочно уничтожать! Маяк включился только после моей мнимой смерти. Чтобы всё получилось, ему надо непрерывно поработать хотя бы сутки. Следующей ночью здесь будет туча экстремафилов Бозяуха. Они сотрут с лица Почемурия этот адский терминал. Бежать тебе надо, Маркуша.

– Стоп! Какие ещё, к черту, экстремафилы? Какой, ёлыпалы, Бозяух? Я ничего не понимаю! – возмутился Марк. Он уже сидел на раскладушке. – Ты же два часа назад сыграла в ящик?

– Всё верно. Но скончалась моя точная копия, умер высокотехнологичный робот. Сама я сейчас нахожусь в ставке,

откуда с тобой веду беседу через маячок. Он еще и ультра мощный приемопередатчик. Еще в черепе надежно спрятана парочка микросхем. Вот, почему так важно сохранить череп. Понимаешь, когда нашу группу взяли в плен, на моем месте уже был этот дублер, старушка-разносчица, которую ты хорошо знал. Это была хорошо спланированная операция. Разведгруппа была подсадными утками. Всё только для того, чтобы получить координаты перевалки.

– Почему ты маяк не включила раньше?

– Я не могла. В спальнях блоках и в варочном цехе – везде стоят камеры слежения. Меня бы вычислили. А вы у коменданта на особом счету. У вас даже камер нет на вышках. Я долго присматривалась ко всем отметчикам и остановилась на тебе. И я в тебе не разочаровалась. Ты ведь хочешь домой? Ладно, смотри.

Вдруг из глазниц черепа вырвались два луча, и на глухой стене рубки Марк увидел самое настоящее кино!

– Ба, кинопроектор! – изумленно произнес землянин, почесывая бороду. Он уже сидел на табуретке.

Марк увидел на стене в небольшом квадратике свой дом, жену и детей. Они улыбались в экран и махали руками. Жена, утирая слезу, сказала:

– Марк, дорогой! Мы ждем тебя. У нас всё нормально. Только водогрейка стала плохо работать и теплица прохудилась. Сделай всё, что от тебя требуется, и возвращайся скорее! Нам тебя так не хватает!

Экран потух. В глазах Марка показались слезы. Он проглотил комок сожаления и резко встал:

– Так. Что надо делать? Я согласен. Но подожди! Откуда у вас эта запись?

– Мы наладили связь с Землей. Когда информация передается быстрее мысли, расстояний не существует.

– А как же остальные узники? Что будет с ними?

– Не беспокойся. Все останутся целыми и невредимыми. Экстремафилы Бозяуха уничтожат только всю аппаратуру связи, всё оружие и, самое главное, выведут из строя энергоблок и реактор. И тогда, где-то через месяца два-три сюда доберутся отряды освободительной армии.

– Вы представляете, что здесь начнется? Местные дистрофики с голода помрут в ожидании спасения. Стоп. А кто тогда такие экстремафилы, разве не солдаты?

– Это радиоуправляемые микрочастицы, которые поедают ровно то, на что они запрограммированы.

– Всё равно не понимаю, зачем мне бежать. Три месяца – это не пять лет. Можно и подождать, хотя, конечно, вся эта перевалка уже давно в печёнках.

– Беги и не теряй времени. После освобождения всех, кто останется в живых и не умрет от голодухи, ждут фильтрационные лагеря. Зачем тебе это надо? Твое возвращение за-

тянется на неопределенный срок. Многие жизнь проживают в этих «фильтрах» в ожидании отправки домой. Пока там разберутся, откуда ты, пока вернется ответ на запрос, пока дождешься своей очереди, пока тебя проверят не шпион ли ты часом.

– Значит из одного лагеря в другой?

– Ну, как-то так.

– Но ты ведь можешь ускорить моё возвращение, похлопотать за меня?

– Вами будет заниматься особый отдел. Он на нашу ставку плевал с высокой колокольни. Я сама могу пострадать, если начну вмешиваться в их работу, ведь тут контингент, сам знаешь, какой – инопланетный. Для тебя побег – это самый лучший вариант. Поверь.

– Но я даже не знаю, где нахожусь! Я ни черта не смыслю в звездных картах.

– Тебе поможет новая разносчица. Стюардесса космических авиалиний – лучшей помощницы не найти. Она закончила ВУЗ и умеет читать звездные карты. Тебе в этом деле одному не справиться. К тому же она твоя землячка, вам по пути.

– Не понял. Откуда ты знаешь? Ведь ты ее даже не видела. Когда их привезли, тебя уже не было.

– Не забывай, что я в ставке. У нас здесь вся оперативная информация на тех, кто попался в плен или пропал без вести. Виктория поможет нейтрализовать охрану. Глав-

ное, чтобы маячок непрерывно работал! Он останется здесь. Только накрой череп тряпкой, чтобы не было видно светодиода. Усыпить охрану будет легко. У меня в безделушках найди гильзу от патрона. В нем нано технологичный препарат, сильное снотворное. Действует мгновенно. Когда разносчица будет кормить охрану стоянки звездолетов, его легко можно подмешать в пойло, которое они будут пить. А дальше дело техники.

– Какой техники? Надо ворота открыть.

– Вот, правильно. Ты это и сделаешь.

– Погоня неизбежна.

– А как ты хотел? Но у вас будет преимущество во времени. Звездолет марки «Пульсвист» легко разгоняется до скорости света. Пяти минут вам будет достаточно, чтобы запутать следы и улететь в неизвестном направлении.

– А как же капсуль-ликвидатор?

– В челноке начальника охраны есть деактиватор капсулей, ведь чертям часто приходится перевозить заключенных с одной перевалки на другую. Без отключения пострадали бы не только пленные, но и сама охрана. Деактиватор есть только у начальника, запомни! Надо всего лишь его найти на пульте управления. Обдумай, Марк, всё основательно и ложись спать. Тебе завтра надо быть красавцем и склонить разносчицу на свою сторону. Главное, чтобы постоянно работал маяк. И тогда спадут оковы оккупации на нашей планете, и Почемурий очистится от скверны!

Череп замолк. И только зуб продолжал пульсировать красным светом. Маячок работал исправно. Марк лег на раскладушку и уснул.

«И тогда спадут оковы оккупации на нашей планете, и Почемурий очистится от скверны!»

Плеширей с улыбкой смотрел на экран, где отметчик удобнее устраивался на раскладушке. Комендант перевалки сидел в своем кабинете, перед экраном и потягивал из бокала через трубочку семидесятиградусную настойку боярышника. Рядом с ним в кресле сидела старушка Су в форме оккупанта с регалиями и наградной планкой на черном мундире. Плеширей оторвался от экрана и весело сказал:

– Какой пафос! Концовка просто наповал! Bravo! – он хлопнул в ладоши. – Ну что за наивняк?! Какие они, эти земляне, всё же доверчивые мудаки! Думает, что всё так просто: послушал череп, посмотрел кино, увидел домашних, усыпил, открыл ворота и свободен как ветер. Молодец, Сукла! Ты бесподобная очковтирательница. У меня таких агентов, как ты, по пальцам пересчитать. Твой артистизм меня поверг в экстаз, а твоя находчивость просто поражает!

– Ты знаешь, Плеширейка, было трудно.

– Бля, сколько раз просил не называть меня так!

– Хорошо, извини. Думала, что долго придется его уговаривать забрать мой череп. Но он сам предложил. Такого еще не было. Эти земляне и впрямь непредсказуемые особи. Этот русский просто засыпал меня вопросами. Хорошо, что

я тщательно подготовилась. До сих пор не покидает чувство, что где-то я прокололась.

– Да ладно. Уже три раза посмотрели запись. Всё вроде отлично, – Плеширей встал и заходил по кабинету. – Ух, думаю, что он клюнет. Это будет фильм-бомба! И обязательно с разоблачением! Гости останутся довольными! А ты возьми отпуск и сгоняй-ка на курорт «Алкохелс». Там бесподобные винные погреба и безотказные инкубаторские жиголо! Развейся. Через три дня жду. Давай, дуй, не откладывай. Дальше я сам.

– Хорошо, раз ты настаиваешь, – старуха в черном мундире с осанкой гимнастки встала, вытянула вперед в партийном приветствии руку с дулей в кулаке, стукнула каблуками и, повернувшись на 360 градусов, энергично пошла к выходу.

Плеширей погрузился в раздумья. Он закурил сигару и откинулся на спинку кресла. Хитрый молмут сделал проверки всем отметчикам, но никто не клюнул на его удочку. Напуганные до полусмерти инопланетяне даже и не пытались забрать череп разносчицы и нажимали на кнопку экстренной связи с комендантом. Те не многие, кто осмеливался забрать, после разговора с черепной коробкой, дрожа от страха, также спешили связаться с бугром и доложить о происшествии.

Только землянин не нажал на кнопку связи. Только у него выиграли чувства и взяли верх над здравым смыслом. И это

нависало Плеширею. Его всегда притягивало то, чего он был лишен напрочь, ведь молмут был скроен из расчетов и вычислений, был клубком сарказма, цинизма, хитрости и зла. Он был носителем назубоки – частички черного короля Укисрака, которая прочно сидела в его сердце.

Комендант уже ставил эксперименты и заставлял глотать эти черные дробинки представителей других цивилизаций. И у всех случались отторжения, а подопытные умирали. Его рапорт на эту тему сразу ушел наверх, но реакции пока не последовало.

Плеширей был рад, что всё идет по задуманному сценарию, и на перевалке в праздничный вечер будет большая веселуха. Он еще до конца не решил, как закончит свой фильм, который собирался показать знатным гостям, и сейчас обдумывал финал. Конечно, беглецы должны понести наказание, но какое? Естественно, что парочка дерзких землян должна будет умереть, но какой смертью? Концовка должна быть красочной и эффектной. Но что-то в нем не хотело и сопротивлялось такому решению. Это что-то радовалось, как животновод, который приобрел по случаю парочку кроликов для разведения. На последнем секретном совещании в ставке главком говорил о расширении оккупационных зон и после Почемурия, не исключено, что следующим плацдармом для захвата будет Земля. В связи с этим иметь у себя в коллекции парочку представителей земной цивилизации было делом даже полезным. Когда знаешь повадки, привыч-

ки и нравы своего раба, управлять им намного легче.

Плеширей вновь включил запись. Он нашел то место, где Марк играл на балалайке и, подперев костлявым кулаком лысую голову, заслушался, пустив черную, как капля мазута, слезу.

Коменданту парочка была нужна еще из сугубо личных соображений. Ему нравились земляне, и эту симпатию он надежно скрывал в глубине своей мерзопакостной души. Их чувственный запас, музыкальность и чувство юмора вызывали в нем всегда восторг, прикрытый приступом ярости. Он хотел держать землян в клетке как попугаев, слушать их болтовню, кормить крошками и выщипывать им перья в дурном настроении.

Плеширей выключил аппаратуру, закрыл сейф, зашел в лифт и спустился на третий этаж своего бункера. В анимационном отделе работала ночная смена. Он собрал вокруг себя всех сотрудников и пробасил:

– Молодцы, стойкие гидроцефалы! Хорошо поработали! Славный фильмец замутили. Будет вам премия, коровьи лепешки! Где материалы досье на отметчика Марка с первой смотровой вышки? – ему быстро принесли. Он открыл папку и посмотрел на фотографии жены и детей, которые прихватил десантник при аресте машиниста кранолета. – Если вам это больше не нужно, я забираю. Ну всё, сморщенные недоноски, работайте!

Когда бугор удалился, прозвучал синхронный выдох облегчения всей смены аниматоров. Они с минуту постояли, а потом молча разошлись по своим местам.

12

В начале оранжевого часа Марк неохотно проснулся. Его разбудила трель велосипедного звонка. Он быстро встал, накрыл череп тряпкой и пошел открывать дверь. В смотровую щель отметчик узнал новую разносчицу, хоть она и была в противогазе. Он быстро впустил девушку и помог раздеться:

– Ты новенькая? – спросил на родном языке Марк.

– Да. Вы знаете русский? – обрадовалась Виктория. – Вот, не думала, что встречу здесь земляка!

– Меня зовут Марк. Я сельский парень из глубинки, родился на московском болоте, затем с родителями перебрались поближе к цивилизации, на Урал. Мы с тобой здесь одни, кто представляет земную расу. Так что, есть смысл подружиться. Ну, что у нас сегодня на завтрак? Опять батвушки?

– Да, праздничные с добавлением картошки.

– О, это что-то новенькое! – Марк удивленно поднял левую бровь. – А на запивку кисель. Угадал?

– Да, но праздничный, без брома, – смущенно ответила Вика.

– Какое разнообразие! Ну, раз без брома, тогда не обижайся, если вечером начну приставать и не по-детски заигрывать.

– Хорошо, – улыбнулась девушка. – А это в нагрузку, тоже в честь праздника, – разносчица поставила на стол буханку черного хлеба и банку кабачковой икры.

– Опять эта бич-паста! Когда она уже у них закончится? – Марк сморщил нос и брезгливо плюнул. Он решил не тянуть резину и серьезно посмотрел девушке в глаза. – Я сегодня, в разгар праздника, хочу бежать, сделать ноги с этой адской перевалки. Давай со мной. Ты здесь пропадешь, а мне нужен помощник. Здесь долго не живут. Это старушка Су, твоя предтеча, умудрилась продержаться в разносчицах, бог знает, сколько лет и то вчера склеила ласты, хоть у нее и было завидное спартанское здоровье.

– А вы меня не бросите в дороге? И почему я должна вам доверять?

– Земляки своих не бросают. У тебя нет выбора, а это шанс вернуться домой. Ты сама-то откуда?

– Из столицы.

– Да ладно. Что, из самого Семикаракорска? Обалдеть! И хватит «выкать», давай перейдем на «ты».

– Хорошо, давай.

– Понимаешь, Вика, мне нужен хороший штурман. А ты ведь стюардесса и умеешь обращаться со звездными картами. Без этих знаний нам не найти дорогу домой. Можем легко заблудиться в космосе.

– Я согласна. Но откуда ты знаешь, что я работала на космических авиалиниях?

– Работа у меня такая. Приходится знакомиться с новенькими, вести учет, картотеку...

– И номера на лоб шлёпать, – Вика вдруг перебила отметчика. Она смотрела на автомат-швабру, который висел на стене. – Ну, спасибо, землячок.

– Прости, детка, я не мог не выполнить приказ. За это здесь сурово наказывают. Ничего страшного, дома сотрёшь. Главное, уцелеть.

– Вчера нам всем установили капсюли, – она показала свежий пятимиллиметровый шрамик за ухом. – Как быть?

– Мы их отключим в кабине пульсвиста. Я всё продумал.

– Ладно, рассказывай свой план побега.

В начале зеленого часа они снова встретились. Разносчица принесла отметчику обед: грибной суп и перловую кашу. Заморив червяка, Марк достал из ящика стола гильзу с малюсенькими гранулами и потряс над ухом. Снотворное зашумело, как мешок с сухарями:

– Вот. Эту фигню надо будет подмешать охране во время праздника. После построения сразу встречаемся и держимся вместе.

Разносчица приняла гильзу и спрятала в кармане комбинезона. Марк взял девушку за плечи, придвинул к себе и пристально посмотрел в ее синие глаза:

– Мы сделаем это. Я открою ворота, мы угоним пульсвист и дернем отсюда.

– Да, – выдохнула Вика, – прикосновение мужчины, хоть и не совсем нежное, вызвало у нее легкое возбуждение и слабый приступ сексуального влечения. Что значит – земляк! Был бы на его месте какой-нибудь кительбшавт, крыборг или, на худой конец, вайвай, ей было бы проще.

Она унесла это чувство с собой и с нетерпением стала ждать вечера. Перемещаясь на дрезине между смотровыми вышками, девушка в мечтах рисовала картины предвкушения, одна краше другой: как они танцуют на плацу медленный танец, как она прижимается к нему, позволяя обнять себя ниже талии, как они угоняют звездолет и уходят от погони, как они одни во всей Вселенной. Последней картиной был секс в невесомости.

В начале фиолетового часа всех заключенных согнали на плац для общего построения. Цеха и участки стояли отдельными отрядами. Отметчики выстроились в шеренгу рядом с трибуной, на которой маячил комендант со свитой, охраной и гостями праздника. Марк быстро отыскал глазами в отряде местного общепита свою землячку. Из динамиков внезапно выскочил грубый бас Плеширея:

– Что, зловонные клопы, дождались праздника? Сегодня, в день крупнорогатого скота вам, тухлым опарышам, уготована целая программа с концертом и танцами! Специально для вас сегодня выступит знаменитый квартет из Чернодырья, группа Слейертура! Всем веселиться и улыбаться! Это приказ! Но только сегодня, а завтра перевалка работает в обычном режиме военного времени! Так что, пленные эмбрионы, завтра всех жду на своих рабочих местах! Кто не поднимется, того лично замучаю! Разойтись!

Стройные ряды мгновенно распались, и началась вялая интеграция. Пленные стали разбиваться по парам, по тройкам и в группы. Марк, расталкивая инопланетян, побежал навстречу к Вике. Она сделала тоже самое. Где-то в середине танц-поля они встретились и машинально взяли за руки. Отметчик и разносчица улыбались, смотрели друг другу

в глаза и молчали.

Они не заметили, как полилась энергичная музыка, начались танцы и вокруг все зашевелились. Из динамиков вырвалось рычание какой-то трэшевой группы, и пленные задвигались под стать гроыхающей музыке. Только двое землян, обнявшись, топтались в медленном танце. У них была своя музыка, их сердца слышали другие рулады.

Вдруг лысая девушка с номером на лбу громко попросила:
– Поцелуй меня, Марк! Я очень этого хочу!

Он нашел губами ее губы и они замерли. Вдруг толчок в спину вывел отметчика из оцепенения:

– Фюрбел штадобор фюрда! – пропищал горбатый яйце-головой инопланетянин.

– Что он сказал? – спросила Вика.

– Он просит не мешать его кривлялкам! – пояснил Марк. – Давай отойдем в сторонку, – они направились к фуршетным столам с бутербродами из черного хлеба и кабачковой икры. Рядом стояли многоэтажки из подносов с разлитым по стаканам киселем. Молодые встали в тени памятника Плеширею, на котором бронзовый комендант показывал миру дулю. – Ты придумала, как опустошить гильзу?

– Через тридцать минут я подменю напарницу. Мы так договорились. Ей тоже хочется потусить и покривляться, – ответила Вика и прижалась к Марку. – Мне страшно.

Плеширей с гостями отмечали праздник на втором этаже административного корпуса, в банкетном зале, украшенном гирляндами и фонариками в виде черепов различных животных. За широким столом, прогнувшимся от различных заморских деликатесов и спиртных напитков, разместилось, по меньшей мере, персон двести. Здесь было всё руководство перевалки от заместителя коменданта до последнего рогатого прораба. Из приглашенных гостей сильно выделялись шесть военных министров в парадных мундирах. Их идеально отполированные рога, то и дело, пускали ослепительных зайчиков. Все собравшиеся были представителями молмутской нации, верными слугами черного короля Укисрака.

Гости поедали какую-то неживописную снедь, пили спирт, курили сигары, смеялись, шутили, разговаривали и смотрели на большом экране праздничное столпотворение на танц-поле. Все ждали обещанный сюрприз, а именно трансляцию остросюжетного фильма в режиме реального времени, боевик в живом эфире под названием «С перевалки убежишь, Плеширей насмешишь».

Комендант в «парадке», украшенной аксельбантом и медалями, из которых выделялись две – «За боевые зверства» и «За геморрой, доставленный врагу», сидел в центре в при-

поднятом настроении. Он посмотрел на часы и взял слово:

– Друзья мои, соратники! Вы уже посмотрели первую часть и видели, как беглецы готовятся к побегу. Каждый их шаг будет зафиксирован и не уйдет от нашего пристального ока. Это не артисты, уверяю вас. Это настоящие заключенные, которые даже не подозревают, что их смотрят. Но они обречены. С моей перевалки еще никто не убежал! – хвастался в объяснениях виновник торжества. – Вы видите сейчас их на экране. Через тридцать минут они начнут действовать. А пока отдыхаем! – он поднял кубок-рог. – Предлагаю выпить за великий праздник, за всех тех, у кого на черепе растут рога и кто умеет бодаться!

Аудитория захлопала. Произошло синхронное опустошение бокалов. Плеширей сел на свое место и посмотрел на экран. Отметчик и разносчица танцевали медленный танец.

– Не понимаю я этих землян, – хрюкнул помощник коменданта. – Кругом все веселятся, а эти застыли как мумии.

– Дурак, им сейчас хорошо, – отозвался Плеширей. – Видишь, где руки отметчика? Нашел-таки эрогенную зону.

– А зачем они ртами прижались? Слюной обмениваются? – спросил начальник охраны.

– Это доверительный акт взаимной симпатии, – пояснил хозяин перевалки. – Божья искра активировала в их сердцах химическую реакцию любви. Так понятно?

– Проклятые искры! Они и в нашем тылу умудряются

вспыхивать! – отозвался начальник сборочного цеха.

– Нет, надо скорее в сердечную мышцу неверных ставить назубоки. Без назубок, в таком состоянии эти пробирки с химикатами непредсказуемы, – буркнул Плеширей и моргнул одним глазом.

– Похоже, земляне удирать не собираются. Вот, будет хохма, если они передумают и выберут свободу в несвободе! – засмеялся один из генералов.

– Слышал, что есть такие странные птицы – попугаи. Когда самец один в клетке, его легко можно научить разговаривать. Но стоит к нему подселить самку, он сразу начинает говорить только на птичьем, отгораживаясь невидимой стеной от внешнего мира. Похоже у этих землян тоже самое. – Отозвался начальник варочного цеха.

– Чего они тянут? Уже пора начинать! Чертова химия! – крикнул главный сантехник.

– Подождите вы! – комендант взглянул на часы. – Рано ещё. Послушайте лучше Слейертуру. Живьем ребята будут выступать. Сейчас такой расколбас выдадут!

Плеширей закурил и откинулся на спинку кресла. За всю историю перевалки не было зафиксировано ни одного побега. И коменданта, как не парадоксально, это расстраивало. Тогда он и придумал шоу. Он хотел тупо развлечься. Всё было предусмотрено. Беглецам дадут открыть ворота и угнать скоростной пульсвист начальника охраны. Для это-

го на смотровой вышке центральных ворот посадили залетчика из штрафбата, которого не жалко потерять. Им позволят улететь. И начнется кульминация, начнется захватывающая дух погоня, которую увидят обалдевшие гости. Деактиватор не сработает. Благодаря камере наблюдения на борту и «жучкам», которые спрятаны в корпусе капсюлей-ликвидаторов, все действия и крики беглецов промелькнут мимо глаз и ушей благодарных зрителей. Когда ситуация начнет выходить из-под контроля, землян уничтожат. В бортовой компьютер пульсвиста уже внесены нужные изменения. Мощный взрыв в космическом вакууме украсит концовку плешереевского шоу. «Свобода в несвободе, – у коменданта появилось сомнение. – А вдруг они передумают и не побегут? Меня поднимут на смех. Тогда я сожру эту сладкую парочку. Точно, – его осенило. – Черт с ними, с этими землянами. Я посажу их в праздничный торт, украшу сурепицами, кремовыми черепками и подам гостям. Лучше лакомства не придумаешь!» – подумал Плеширей и криво ухмыльнулся.

Искры на экране, грохот и дым прервали ход его мыслей:

– Что там происходит?

– Мне сейчас доложили, – отозвался начальник охраны, – эти певчие павлины порвали цепь активации ликвидаторов. Ни один не работает.

– Ты уверен? Только без паники. Ну-ка, проверь на от-

метчике с четвертой вышки. Мне его румяное мурло давно не нравится.

Начальник охраны нажал на кнопку пульта управления:

– Нет. Не работает.

– Срочно почините!

– Надо подождать, когда эти индюки закончат выступление.

– Хорошо, подождем...

Марк и Вика, спрятавшись в тени памятника, смотрели на инопланетные кривлялки. Вдруг музыка затихла.

– Разминка закончена! – послышался в динамиках хриплый голос диджея. – А сейчас живая музыка взорвет ваши мозги!

На танц-поле выехала сцена, уставленная аппаратурой, и группа Слейертура продолжила праздничную программу. Но только музыканты ударили по струнам, как в динамиках раздался свист повышенного фона, посыпались искры и задымились усилители.

Марк почувствовал, как за ухом, где находился капсюль, что-то больно кольнуло. Он машинально схватился за ухо. Вика сморщила лоб и сделала тоже самое. Они удивленно посмотрели на сцену, где электрики быстро принялись устранять неполадки. Марк заметил, что та легкая вибрация, которая постоянно сопровождала работу ликвидатора, исчезла. «Они своими децибелами вывели из строя капсюли. Какая удача», – догадался землянин и погладил свой нос.

Отметчик хорошо знал, где припарковался грузовой звездолет, на котором прилетели музыканты. «Их запустили через центральные ворота. Пора действовать», – подумал Марк, жуя бутерброд с коричневой кашницей. Он наклонил

голову и шепнул разносчице на ухо:

– Я сейчас, – и быстро растворился во тьме.

Марк без труда нашел нужный звездолет, разукрашенный музыкальными символами. Аппарат стоял недалеко от центральных ворот, самый последний в длинном ряду припаркованных космических кораблей гостей перевалки.

«На центральной смотровой вышке засады не видно. Нас скорее всего возьмут внутри пульсвиста начальника охраны, чтоб наверняка. Хотя не уверен. Блин, я до сих пор не могу понять, зачем им всё это. Ха, до челнока отсюда метров триста, не меньше. Это нам на руку», – Марк быстро сообщал. – Может, всё это как-то связано с праздником? Сегодня утром, за минуту до пробуждения я отчетливо слышал у себя за ухом «раз-раз!», как будто проверяли микрофон. Точняк, это была обратная связь! А если нас слышат, то, наверняка, и смотрят. Это похоже на какие-то крысиные бега. Как только наладят связь, нам крышка! Надо торопиться».

Он подкрался поближе и спрятался в тени коробок и ящиков. В трех метрах от него разговаривали два грузчика:

– Скорее бы уже отыграли. Ещё на трех перевалках выступать.

– И не говори. Крыша съедет от такого графика. Крепись, старина, чуток осталось. Минут десять, не больше.

Марк выскочил из темноты и, схватив Вику за руку, пота-

шил за собой:

– Планы меняются, детка, – на ходу проговорил он.

– Объясни, что случилось?

– Потом. Вот, наша цель. Вспоминай звездные карты, – и он указал на космический корабль со скрипичным ключом на фюзеляже.

– А как же ворота? Кто нам откроет ворота?

– Это я беру на себя. Стой здесь. И выбрось ты эту гильзу.

В ней пищевая сода. Это лохотрон.

Марк чувствовал, как силы наполняют каждую клеточку организма. Он быстро поднялся на смотровую вышку центральных ворот и показал фигу в смотровую щель. Ему открыл заспанный черт с поросячьим влажным пятком. Отметчик не растерялся и сразу ударил в эту мишень. Черт упал на пол и застонал от боли. Землянин схватил со стола ножовку по металлу и приставил к рогам охранника:

– Я тебе сейчас рога отпилю, если не откроешь!

– Хорошо, хорошо, – простонал черт и нажал на кнопку.

Грузчики еще разговаривали, когда бесшумно открылись ворота:

– Опа. Ты глянь. Уже и калитку отворили, значит скоро финиш. Пошли сцену разбирать?

Из темноты вышел незнакомец. Он подошел к гражданским лицам и сразу нанес два оглушительных удара. Грузчики лишились чувств и упали на бетонное покрытие.

Сладкая парочка быстро прошмыгнула в кабину управления и через тридцать пять секунд космический ветер и звездная пыль подхватили летающий аппарат, украшенный музыкальными символами.

Они сидели в креслах кабины управления, пристегнутые ремнями безопасности, и смотрели во мрак бесконечности, обсыпанный, как пудрой, звездными точками. Марк быстро разобрался с рычагами и кнопками. Он выключил габаритные огни, включил маскировку, гравитацию в кабине и выставил кондиционер на оптимальную температуру:

– Ха, вот, и деактиватор капсулей! – и отважный кранолетчик, на всякий случай, нажал на кнопку. – Никаких изменений. Значит, вышли из зоны действия, – утвердительно заключил Марк.

– Или черти цепь после аварии до сих пор не починили? – подмигнула Виктория.

– Ладно, не пугай. Думаю, мы уже достаточно пролетели.

– Прилично. Подожди, – и она забегала пальцами по кнопкам, а затем приложила ухо к маленькому окошку сканера. Раздался мягкий металлический голос бортового компьютера:

– Капсьюль сломан. Угрозы жизни нет. Приемопередатчик работает на 50 процентов. Только обратная связь. Включите деактиватор.

– Но я уже включал! Или выключал? – изумился Марк.

– Двойной клик, – помог ровный голос «бортовика».

Марк быстро нажал два раза на кнопку. Раздались далекие помехи радиоволн, а следом вырвалась чистая знакомая брань коменданта:

– Этих волосатых гамадрилов, эту, бля, бестолковую Слейертуру подвесить за яйца в коптильном цехе! Такое кино мне испортили! А вы куда смотрели, слюнявые дауны? Где эта порванная мошонка, где начальник связи? Я ему кулаки в ноздри засуну! У...

– Выключи, умоляю! – попросила Вика.

– Хорошо. – Марк нажал на кнопку, и звук исчез.

Они засмеялись и, не удержавшись, поцеловали друг друга.

Марк обвел взглядом кабину управления. Справа от него висел глянцевый плакат знакомой группы:

– Жаль ребят. Если бы не их повышенный фон, мы бы сейчас не улыбались. Значит, кино, а мы главные герои? Ишь, что придумали?! Знаешь, там на плацу во время кривлялок, когда мы с тобой танцевали псевдо медляк, я подумал: «А не отложить ли нам эту беготню до лучших времен?» У меня своя смотровая вышка, отдельная жилплощадь, можно сказать. Ты в варочном цехе к харчам близко. Подали бы бугру рапорт на регистрацию брака, закатали бы на плацу свадьбу.

– Ага с кривлялками, киселем и батвушками.

– С черным хлебом и кабачковой икрой.

– Не смейся! – Вика тем временем изучала звездную карту. Она прикладывала линейку, циркуль и делала какие-то вычисления:

– Вот, наш азимут! – и она показала Марку свои расчёты. Он ничего не понял, но одобрительно кивнул:

– Замечательно! Время пути сказать можешь? Наша скорость равна скорости света.

– Да, сейчас, – Вика быстро забегала пальцами по клавиатуре. – Где-то, примерно, около года, плюс-минус один-два месяца.

– Ну, это не так и много, – Марк попытался остаться веселым. – А срезать угол нельзя?

– Ага. Два угла, – она загрустила. – Целый год в этой кабине. Гиподинамия замучает.

Наступило молчание. Вдруг Вика спросила:

– Скажи, почему ты изменил планы? Как ты догадался, что тебя водят за нос?

– Вот, теперь сиди и слушай, – Снова оживился Марк. – Когда череп мне показал кино из дома, я сразу и не понял, что в фильме что-то не так. До такой степени был взволнован. И только ночью, когда лег спать, снова прокрутил эту кинохронику в памяти и понял, что меня разводят, как мальчишку. Дело в том, что жена перед самым моим отъездом в командировку сменила прическу и осветлилась. А в кино она была с черными волосами. Эти убления не могли знать

об этом. Было ощущение, что мне показали кино десятилетней давности. Именно тогда она так выглядела и дети тоже. За день до отъезда я подарил ей золотую цепочку с кулончиком в виде сердца. На экране я его не увидел. Ладно, кулон. Его она могла запросто снять. Но прическа – это стопудовый прокол. Тогда меня как кипятком ошпарило! Я вскрыл гильзу и попробовал содержимое. Подумал: «Если это снотворное, оно мне сейчас будет кстати». Это оказалась обычная пищевая сода. Еще один косяк. Тебе не сказал в целях конспирации. И правильно сделал. Оказалось, что капсулы – это ещё и жучки для прослушки. Необходимо было заверить этих гадов, что мы клюнули. Вот, какой я молодец!

– Ты просто умничка! Что-то погони не видно, – Вика смотрела на экран радара.

– Я включил маскировку. Мы практически не видимы. Хорошая штука. Мне бы такой на кранолет от начальства прятаться, – хохотнул Марк.

– Не по-моему сценарию, – обронила Вика.

– Что, не понял?

– Я думала, что придется удирать от погони, риск, адреналин и всё такое.

– Эх, милая, я весь свой адреналин оставил на этой сволочной перевалке. Еще погони нам не хватало.

– А последняя глава моего сценария сбудется? – она интригующе посмотрела на Марка.

– Что за параграф? Не томи.

– Секс в невесомости.

– Легко.

Марк включил автопилот и выключил гравитацию. На пульте управления он нажал кнопку «интим». Основные галогенки погасли и, мигая как гирлянды, загорелись тусклые лампочки дежурного освещения. Из динамиков послышалась тихая легкая музыка, похожая на земную Энигму.

С исчезновением гравитации Марк и Вика почувствовали в телах необычайную легкость. Щелкнули ремни безопасности. Оттолкнувшись от кресел, влюбленные воспарили и потянулись друг к другу.

Возвращение

Часть вторая

1

Прошло две недели с момента, когда отметчик Марк и новая разносчица Виктория сбежали с перевалки. Звездолет с музыкальными символами на борту, который они угнали, продолжал бороздить космос, прокладывая путь домой, преодолевая длинную дорогу к Земле.

Уже после первой недели полета настроение заметно ухудшилось и снизило свои показатели. Оно вошло в стадию монотонной апатии. Марк и Вика, как могли, пытались бороться со скукой: читали вслух найденные на борту книги, играли в города и в настольные игры, занимались сексом, подолгу не выходили из вакуумного туалета, общались с бортовым компьютером, который знал буквально всё и с радостью отвечал на любые вопросы.

Марк обследовал бытовые комнаты. В одном кубрике ему бросилась в глаза губная гармошка. Недолго думая, он положил ее в карман. В столовой включил генератор и очиститель воды, а также незаменимый в долгих рейсах при-

бор – «продуктор», который моделировал из полуфабрикатов любые блюда. Меню этого агрегата было огромным. В закромах хозблока Марк обнаружил большой запас пищи исключительно в тубиках и несколько полиэтиленовых пакетов с синтезированными белками в гранулах.

– Нормалек! – вслух весело произнес землянин. – Нам хватит.

Холодильник был забит пивом и ряженкой. Марк улыбнулся и, довольно хлопнув дверью, закрыл холодильную камеру.

Через месяц полета Вика заявила, что беременная.

– Ты уверена? Ты не ошиблась? – Марк посмотрел в ее сторону.

– Не первый раз замужем. Месячных нет и рвать хочется. Мы ведь не предохранялись.

Марк достал губную гармошку и принялся пиликать какую-то дурацкую мелодию. Для него это был очередной всплеск разнообразия:

– Законы природы ещё никто не отменял. Так тому и быть.

Через два месяца они уже не разговаривали, а сидели в креслах кабины управления и тупо смотрели на черный квадрат космической бесконечности. Марк дунул в губную гармошку, но тут же услышал:

– Прекрати! – волосы Вики заметно отросли и кололись ежиком. – Меня сейчас стошнит.

– Ну-ну, детка. Этого еще не хватало.

– Что мы будем делать, Марк? – с надрывом спросила Вика. В ее голосе слышались страх и отчаяние.

– Не падай духом. Через семь месяцев мы уже будем близко от Земли и наш sos кто-нибудь услышит. На, вот, – Марк протянул ей тюбик. – Это морковка по-корейски.

– Не хочу! Я хочу жареной картошки.

– Начинается! – Марк отстегнул ремень безопасности и встал. – Пойду в столовую, пожарю.

– Нет. Останься. Обними меня и поцелуй. Мне страшно.

Они обнялись. Марк погладил ее по голове и нежно поцеловал сначала в щеку, а потом в губы:

– Всё будет в порядке. Не волнуйся. Может, тебе отдохнуть? Сходи в спальный блок. Я включу релаксатор.

– Хорошо. Что-то мне и впрямь дурно, – Вика тяжело поднялась с кресла и удалилась.

Марк сочувственно проводил ее взглядом: «Ребенка нам еще не хватало, – первое, что пришло в голову. – Если не дотянем до ближайшего форпоста, придется мне принимать роды. А что делать?». Он дунул в губную гармошку, посматривая на экран монитора, где Вика поудобнее устраивалась в стеклянном саркофаге релаксатора. Когда она замерла в горизонтальном положении и закрыла глаза, Марк нажал кнопку. Стеклопанель опустилась, щелкнули замки, и ка-

мера наполнилась сонным газом. Марк выставил на пульте управления время продолжительности сеанса: «Трёх часов будет мало. Пусть отдохнет нормально», – и он исправил тройку на цифру «24».

Марк выбрал из большого списка снов самый простой и, на его взгляд, самый успокоительный. Сонный газ назывался «Бухта радости». На картинке был изображен лазурный берег моря с желтой береговой полосой и чайками в небе. Сначала он хотел выбрать сон «Аквапарк», но быстро отказался от этой затеи: «Её подсознание уже начало перестраиваться и входить в стадию защиты своего эмбриона. Водные аттракционы только напугают. Пусть лучше нежится на песочке, слушает шум прибоя и кормит мелкой рыбешкой пеликанов».

2

Плеширей возвращался из ставки. Секретное совещание прошло нормально, и его личный звездолет марки «Пульсвист» по коллектору времени со скоростью мысли спешил на перевалку. В рогатой голове работал пропеллер, разгоняя ворох переваренных тезисов и ценных указаний, полученных от отца.

Когда совещание закончилось и машиды зашевелились, Укисрак попросил Плеширея остаться. Разговор с отцом всплыл в неумемной памяти. Император в виде черного облака завис под потолком и пробасил:

- Скажи мне, сынок, ты твердо решил на счёт Суклы?
- Да, отец. Хочу снова вдохнуть в нее молодость и силы.
- Вижу, как ты к ней прикипел. Хорошо. Мультиплет второго разряда в разведке будет полезен. Неплохой план. Видал я в подзорную трубу, как ты поимел стюардессу.
- От тебя, отец, не спрятаться. Да, мой генетический код у нее под сердцем. Беременность начнется по графику.
- Будем ждать прибавления. Морщекиши нам нужны. Надеюсь, блокировку не забыл поставить?
- Не забыл. Напускал гипноза по высшему классу, как учил. Она не сможет вспомнить, даже если очень захочет. Сукла потом снимет.

– Хорошо. Назубатор поставил?

– Да, в левую грудь.

– Молодец! Ты всё сделал правильно. Будем ждать результатов. Ты же понимаешь, что это совершенно секретная информация?

– Конечно, отец.

– Никто не должен знать! И твой гарем в первую очередь. Твои жёнушки не умеют держать язык за зубами. Похоромишь потом Суклу по высшему классу, как положено. От себя я сделаю всё, как обещал. Позовешь, когда будет нужно.

– Хорошо, отец. Я всё понял. Разреши удалиться?

– Давай, дуй на свою перевалку, – черное облако сжалось в точку, и Укисрак исчез.

Прошло три часа. Марк не находил себе места. Какая-то непонятная тревога появилась в его душе. Одно он знал точно, скорее чувствовал интуитивно, что это связано с Викой. Он включил автопилот, освободился от ремня безопасности и пошел в спальный блок.

Девушка преспокойно спала в саркофаге, положив руки вдоль стройного тела. На её щеках выступил румянец, а стеклянный футляр от теплого дыхания слегка запотел. Спящая красавица была почти голой, и Марк непроизвольно залюбовался ее прелестями.

Вдруг ее упругий животик вздрогнул, и по нему прошла нездоровая судорога. Марк ужаснулся и насторожился. Судорога повторилась, и отважный кранолётчик потер мокрый лоб. Затем колыхнулась и резко дернулась левая грудь.

– Что за ерунда? Померещилось. Надо мне тоже отдохнуть. Срочно, – рядом стояло дежурное кресло. Марк плюхнулся в него, закинул ноги на журнальный столик, включил будильник и моментально отключился.

Ему приснился кошмар с Плеширеем в главной роли. Страшное лицо коменданта злорадно смеялось: «Марк, поросячий хвост! Я до тебя доберусь! От меня ещё никто

не убежал! Ха-ха-ха!»...

Зазвенел будильник, и Марк открыл глаза. Из скрытых динамиков в стене бортовой компьютер приветливо говорил металлическим голосом:

– Здравствуйте! Салют! Моё почтение! Меня зовут Оракул, Домовой, Бортовик, Бортарий, Бортодонд, Бортмен, Бортик, Борташа, Железный Феликс, Железяка хренова, Мусорный бак! Если у вас ко мне есть вопросы, задавайте! Я с удовольствием на них отвечу! Со мной можно общаться из любого отсека звездолета!

Марк встал, посмотрел на спящую красавицу и спросил:

– Привет! Скажи, любезный, что с моей подругой? – он направился по коридору в кабину управления.

– Любезный! Красивое прозвище. Меня так ещё никто не называл. Минуточку... Она беременна. Произошло оплодотворение. В ее яйцеклетку проник сперматозоид.

– Чей? Мой? – Марк сел в кресло и выключил автопилот.

– Мне нужен образец вашего ДНК. Просканируйте волос или свою кровь.

Марк быстро вырвал с головы волосок и положил на экран сканера.

– Минуточку, – отозвался искусственный интеллект. – Нет, сперматозоид не ваш.

– А чей? – Марк похолодел.

– Минуточку... Коменданта перевалки.

У Марка отвисла челюсть, и дернулся глаз:

– Ты не путаешь, Железяка хренова?

– Исключено. У меня обширная база данных.

– Что же мне делать? Борташа, посоветуй.

– Варианты: воспитание чужого ребенка, аборт, преждевременные роды, избавление от беременной.

– Аборт? Но как? Каким образом?

– Могу провести инструктаж. В медпункте есть всё необходимое.

– Мне надо подумать. А если избавиться от беременной?

– Могу проинструктировать. В медпункте есть всё необходимое.

– Нет. Не смогу. Уж лучше воспитывать чужого ребенка.

– Могу провести инструктаж. В медпункте есть всё необходимое.

– Что, пластинка заела, мать твою? – выругался Марк. Его остекленевшие глаза смотрели в черный квадрат смотровой иллюминации. – Что у вас там за медпункт такой? Прямо всё есть! А что там есть для воспитания?

– Детское питание, погремушки, подгузники, присыпка...

– Стоп! Ладно, приятель, дай мне подумать. Конец связи.

– Хорошо. Приятель, красивое прозвище. Меня так ещё не называли. Если что, зови на помощь. Любезный отключа-

ется.

Марк уставился в черный квадрат и задумался: « Боже мой! Плеширеевское отродье! Когда он успел? Наверно, когда ей поставили капсюль. Но почему она ничего не помнит? Или не хочет вспоминать? Может, она с ними заодно? Так и параноиком можно стать. Скорее всего гипноз. Неужели эта козлиная морда будет меня преследовать всю жизнь? Может, он хочет, чтобы мы привезли на Землю молмутского гоблина? Вот, влип. Что же делать? Что же делать? Избавиться от Вики я не в силах. Через восемь часов она проснется. Сказать или не сказать? Надо сказать. А вдруг она что-нибудь вспомнит? Да, скажу. Будем сообща решать эту большую проблему».

– Оракул! – Марк позвал бортовой компьютер.

– Приятель слушает! – тут же вырвался из динамиков знакомый металлический голос.

– Обследуй досконально организм моей спутницы. Проверь все органы. Всё ли с ней в порядке?

– Минуточку... Во внутренних органах патологий не обнаружено... У вашей подруги на локтевых сгибах псориаз. Левое ухо слышит слабее правого. Последствие детского отита. В заднем проходе геморрой в начальной стадии...

– Стоп! Хватит. Обследуй молочные железы. Я видел, как ее левая грудь дергалась.

– Минуточку... Опа! Нашел! Вот, это сюрприз! Не повезло вашей спутнице.

– Не томи. Что там?

– У вашей подруги в левой груди обнаружен новейший микроназубатор.

– Это ещё что? – Марк удивленно округлил глаза.

– Микроскопический нано генератор антилива, стабилизатор жидкой назубоки.

– Можешь яснее? Объясни проще. Что за антилив?

– Это питательная смесь для будущего новорожденного молекулярного мутанта, «растишка» для грудного молмута, Это ноу-хау от укисракских производителей. Когда он перестанет сосать грудь и окрепнет, в его сердце сформируется стабилизатор жидкой назубоки. Он намного меньше старых моделей назубок и вытащить его практически невозможно.

– Что такое назубока?

– Это генератор первородного зла. Раньше назубоки выпускались в виде маленьких дробинок черного цвета. При попадании в сердце противника, назубока выпускала крючья и прочно якорилась в главном органе. Но при большом усилии и желании ее можно было извлечь. Сейчас это практически не реально. Жидкая назубока проникает во все клетки организма и склоняет их к необратимой мутации. Происходит синтезация ядра. Травоядное животное превращается в хищника, добрый культурный аристократ превращается в злого и беспощадного варвара, в хитрого и жесто-

кого молмутского боевика. Закрываются вентили добра, гуманизма и милосердия. Открываются вентили зла. Нейроны меняют свой алгоритм и начинают перемещаться по ранее скрытым каналам мозга.

– А стабилизатор, я так понял, нужен для поддержания нормальной работы этой чертовой жидкой назюбоки? Так что ли?

– Совершенно верно. Стабилизатор подает в мозг нужные токи, сигналы и частотные импульсы. Без него жидкая назюбока работать не будет.

– Хватит, доцент! Загрузил по полной программе. Дай подумать. Конец связи, – Марк закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

– Доцент, интересное прозвище. Меня так ещё не называли. Хорошо. Доцент отключается.

4

Прозвучал сигнал пробуждения. Марк рефлекторно посмотрел на экран, где Вика открыла глаза и зашевелилась. Он быстро нажал на кнопку и открыл саркофаг. Через две минуты подруга с заспанным лицом появилась в дверях кабины управления:

– Долго я спала? – она устало опустилась в кресло второго пилота.

– Сутки, моя девочка.

– Твой релаксатор мне сейчас такое выдал! Сначала всё было прекрасно: я лежала на песке у моря и наблюдала за дельфинами. Пеликану бросила рыбёшку. Задремала. И такой кошмар мне приснился! Сон во сне. Представляешь?

– Ну и что тебе приснилось? – не поворачивая головы, тихонько спросил Марк.

– Как будто я кормлю грудью славного малыша. Вдруг он поднимает голову и начинает смотреть мне в глаза. А у него страшное лицо Плеширея, точь в точь! И это чадо говорит мне грубым голосом: «У тебя молоко прокисло, тварь!» Он вырвался и убежал в пальмовую рощу, махая хвостом.

– Вика, подожди. Послушай меня, – Марк повернулся и серьезно посмотрел ей в глаза. – У нас большие проблемы.

Когда кранолетчик ввел свою беременную спутницу в курс дела и воспроизвел диалог с бортовым компьютером, у Вики навернулись слезы:

– Марк, дорогой! Я не верю. Я отказываюсь поверить в это. И что ты решил?

– А что тут решать? Будем воспитывать отпрыска Плеширея. Ты что предлагаешь? Ну, давай замочим гоблина. Как только он появится, долбану его молотком по башке и все дела.

– Что ты такое говоришь? Ты с ума сошел?

– Тогда рожай. Бортовик уверяет, что новорожденные молмуты не такие уж и буйные. Не так страшен черт, как его малюют. Хотя... Неужели ты совсем ничего не помнишь?

– Совсем ничего. Может, всё образуется? Ой! – Вика схватилась за живот. – Ой! Колики! Там что-то шевелится. Я боюсь.

Марк оторвался от мыслей:

– Я, вот, что думаю. Если посмотреть с другой стороны, ты представляешь огромную ценность для науки и оборонной промышленности. Если мы привезем на Землю инородное существо, представителя молмутской нации, нам не дадут пропасть и возьмут под защиту. АНБ и министерство обороны устроят нам надежную опеку.

– А вдруг я не дотяну и разрожусь прямо здесь?

– Я приму роды. Придется побыть акушером. Борташа по-

может. Сразу изолируем ребенка. Посмотрим на его поведение, – Марк положил руку беременной подруге на плечо. – Не изводи себя дурными мыслями. Давай лучше отвлечемся и поиграем во что-нибудь. Давай в города. Начинай.

– Семикаракорск.

– Как всегда начинаешь со столицы? Хорошо, – Марк непроизвольно вспомнил отрывок из википедии. В 22-м веке город приобрел столичный статус благодаря уникальным воздухоочистителям, которые превратили весь район в экологически чистую зону. Правительство здесь дышало полной грудью без респираторов и противогазов, что плодотворно влияло на их умственную деятельность. – Княжпогост...

Прошел ещё один томительный месяц монотонного полета. Звездолет с музыкальными символами продолжал бороздить просторы Вселенной, с каждым днем удаляясь всё дальше от адской перевалки и приближаясь к Земле.

У стюардессы заметно вырос живот, в котором, то и дело, что-то колотилось и вздрагивало. Марк всё чаще укладывал будущую мать в спальном блоке на отдых и всё чаще общался с бортовым компьютером. Отважный кранолетчик проходил курс молодого акушера и готовился стать отцом. Он внимательно слушал и запоминал всё, что говорил ему по этой теме Оракул:

– Молмутская беременность в два раза короче чем у вас. Так что будьте начеку, будьте всегда наготове. И запомните! Никаких стрессов у Виктории не должно быть. Голова выходит первой, затем всё остальное. Калипсоловый наркоз отпадает. Обойдемся без него. Могут быть побочные эффекты: искажение реальности, удушье, трудности вывода из сна. О разрывах и кесаревом сечении поговорим завтра. А пока законспектируйте всё, что я вам наговорил.

Марк часто подходил к стеклянному саркофагу и подолгу смотрел на спящую беременную красавицу с фосфори-

ческим номером на лбу. Её большой живот уже упирался в крышку капсулы. В разных его частях появлялись маленькие бугорки и моментально исчезали. Левая грудь укрупнилась, покрылась венами и синхронно вздрагивала с учащенным ритмом сердца.

Выполняя инструкции Бортовика, Марк оборудовал медпункт в родильное отделение: приготовил нужные инструменты и собрал акушерское кресло, нашел зеленый халат, перчатки и полиэтиленовый чепчик, а также пузырек со спиртом, йод, рулон ваты и бинт.

Однажды, перебирая шприцы, он спросил Оракула:

– А что, если малыша кормить не левой, а правой грудью, в которой нет назубатора?

– Хороший вопрос, – отозвался искусственный разум. – Ребенок не получит достаточной дозы антилива и будет питаться чистым молоком матери. Конечно, не совсем чистым. Но в нем не будет и сотой части необходимой нормы, которая нужна младенцу. Это отразится на его формировании и развитии. В назубаторе начнется стагнация, а затем он и вовсе прекратит работу и выйдет из строя. Он рассосется и исчезнет как доброкачественная опухоль.

– Что ты раньше молчал? – Марк заметно повеселел. Он сделал глубокий выдох облегчения.

– Вы не спрашивали.

– Значит, так мы и поступим, – будущий отец расплылся

в улыбке и забарабанил пальцами по столу.

– Но вы не забывайте, что с появлением ребенка изменится характер вашей подруги. Без антилива у новорожденного молмута начнется ломка. Мать начнет жалеть ребенка. Она сознательно начнет давать малышу левую грудь. И здесь вы бессильны. Материнское чувство самое сильное. Убеждения и уговоры не помогут. Так что новорожденный молмут однозначно получит свою порцию антилива.

Марк снова помрачнел. Он достал губную гармошку и дунул в нее:

– Я поговорю с ней. Скажи, а почему ты нам помогаешь? Какой тебе от этого прок?

– Я всем помогаю – и плохим, и хорошим. Так я запрограммирован. Законы робототехники еще никто не отменял.

6

Еще через месяц, наблюдая за беременной, Марк заметил одну странность. Левая грудь Вики стала такой же, как правая. Синева, венозность и пульсация исчезли, как будто ничего не было. Живот перестал покрываться бугорками и вздрагивать. Марк обратился к Бортову:

– Скажи, любезный, что происходит?

– Сам не пойму. Назубатор исчез. Сканирование показывает, что в груди ничего нет. Странно. Плод ведет себя спокойно. Это не типично для молмутского зародыша.

– Может, это очередная хитрость Плеширея?

– Может быть. Весь потенциал новейшего назубатора мне не известен. У меня устаревшая информация.

В дверях со стаканом ряженки появилась усталая с опухшими губами беременная спутница. Желто-зеленые круги под глазами, мятые волосы и пигментные пятна на лице испортили бедняжку до предела. На нее было больно смотреть:

– У меня зуб раскрошился. Я больше не могу. Когда же это закончится? Скажи, Борташа.

– Зародыш забирает кальций. Страдают зубы и кости. Опухание губ – это проделки гипофиза. Круги под глазами – это щитовидка поделилась йодом с зародышем. После инкубационного периода все нормализуется. До конца беремен-

ности ещё две недели, плюс-минус один день.

Марк взял Вику под руку, завел в кабину управления и усадил в кресло:

– Зая, ты можешь объяснить, почему твоя левая грудь стала, как прежде?

И почему на животе исчезли бугры? Почему зародыш не дрыгается?

– Не знаю, милый. Но я себя стала чувствовать лучше. Малыш успокоился, а грудь не болит и не дергает. Может, всё прошло, ушло безвозвратно?

– Я бы хотел в это верить. Но мне кажется, что это затишье перед бурей.

– Перед какой бурей? Не говори загадками. Марк, ты меня пугаешь.

Марк пожалел, что сказал лишнее. Он вспомнил слова Оракула: «Никаких стрессов!» и сконфуженно улыбнулся:

– Это я так. Сам не понял, что сказал. Хорошо, детка, поживем – увидим. Ты, главное, не волнуйся. Всё будет хорошо. Может, в города? Давай? Но только в античные.

– Это как?

– В города, которых уже нет на свете.

– Давай, – Вика успокоилась и улыбнулась. – Москва.

Марк одобрительно кивнул. Он знал, что согласно легенде, этот древний мегаполис после провала под землю затяну-

ло болотом. Причиной катастрофы стали огромные провалы под городом, образованные в результате алмазной лихорадки:

– Амстердам, – ответил он и подмигнул глазом.

Вика одобрительно кивнула. Согласно легенде, этот древний город был разрушен первобытными наркоманами после тотального запрета властей продажи в увеселительных заведениях легких наркотиков. Им помогли ревнивые матросы, которым не разрешили выкупить улицу красных фонарей и трансвеститы, которым запретили устраивать каждое воскресенье оргии на площадях города. Вскоре руины заросли конопляным выюном и репейным маком.

– Мелитополь, – парировала Вика и, приставив большой палец правой руки к носу, пошевелила пальцами.

Марк согласно кивнул. Он знал, что этот древний город уничтожило нашествие гигантских божьих коровок, размером с баскетбольный мяч:

– Львов, – быстро отреагировал он.

– Хорошо, – Вика со школьной скамьи помнила легенду, согласно которой этот древний город был уничтожен городскими кошками. Озверевшие твари собрались в огромную стаю и разогнали всё живое. Позже к ним присоединились из зверинца, зоопарка и цирка другие представители семейства кошачьих. Причиной послужил отравленный кошачий корм, который звери нашли на продовольственном складе.

Вика задумалась:

– Воркута.

– Зачет, – Марк прекрасно знал, что этот северный город уничтожили забытые вахтовики и брошенные шахтеры. Троглодиты расселились в старых шахтах, где питались остатками угля и горной руды. В историю они вошли, как углееды и рудоеды. Марк задумался. Но мысли отказывались ворошить историю. Он смотрел на Вику, виновато улыбаясь, и радовался ее хорошему настроению и здоровому выражению лица. Круги под глазами и бледность исчезли, а на щеках выступил легкий румянец. Он ласково погладил ее по животу. – Сдаюсь, Котя. Ты победила. Всё образуется. У нас будет чудный малыш. Я уверен.

– А как же твоя семья, Марк? – Вика печально посмотрела мужчине в глаза.

– У меня будет две семьи. Моей любви хватит на всех.

В секретном штабе Плеширея кипела работа. Операторы связи, технический персонал крутились на своих офисных креслах и нажимали на кнопки. Экраны мониторов пестрели и мигали секретными текстами и картинками.

Комендант стоял перед центральным экраном дисплея, куда сводилась вся информация шпионских и военных операций, диверсий и афер.

Рядом стояла его старшая жена Сукалия – Сукла, как любил называть ее муж. Без грима и с ровной спиной она мало походила на горбатую разносчицу. Вставная челюсть и подтяжки разгладили на ее бледном лице все морщины. Её маленькие хорошо отполированные рога были прикрыты копной черных волос. В нагрудном кармане военного мундира лежало удостоверение секретного агента ГРУ. Муж и жена тихо разговаривали и слушали оперативную сводку.

Из динамиков звучал голос дежурного диспетчера:

– До родов осталось две недели, один день, шесть часов, сорок две минуты.

Назубатор перешел в конспиративный режим и переместился в левую ягодицу. Уменьшение до 0,5 микрон с включением маскировки.

– Хорошо! – комендант улыбнулся жене. – Проверяем все функции. Опять мне приходится тестировать папины новинки. Как он уже задолбал со своими ноу-хау! Но вроде всё идет гладко.

– Понимаю. Если нано генератор пытаются извлечь, он сразу удирает в ягодицу, – Сукла лукаво посмотрела на Плеширея.

– Да, хоть в пятку. Это не принципиально важно. Просто проверяем его быстродействие. Этому олуху царя небесного всё равно его не достать, даже если Железный Феликс проинструктирует. У! Железяка хренова! Как только обживешься в теле, сразу перепрограммируй этого болтуна.

– Хорошо, дорогой. Я всё сделаю, как договорились.

– Как только эта стерва разродится нашим морщёкишем, я сразу вызываю отца. Тебе там лучше появиться после родов, чтоб не испытывать на себе мучительные боли. Этот горе-акушер еще что-нибудь напутает. Ты готова к большим метаморфозам?

– О, да, мой плешивый мухомор! – старуха хрипло засмеялась и показала белые зубы.

– Подожди немного, моя неизлечимая гангрена, и ты займешь тело стюардессы. И снова станешь самой несравненной, самой молодой и желанной в моем гареме.

Плеширей сложил губы в трубочку для поцелуя, небрежно взял жену за уши и потянул к себе. Вдруг подтяжки лица

резко ослабли, и старуха сморщилась, как повидавшая виды мочалка. Она закашляла, и вставная челюсть выскочила изо рта. Лицо мгновенно покрылось глубокими морщинами. Командант брезгливо оттолкнул ее от себя:

– Фу! Выглядишь ты скверно.

8

У Плеширея было шесть жен. Свой гарем он надёжно скрывал от посторонних глаз. Отборная охрана, лучшие из лучших, оберегали покой плеширеевских избранниц. Жены проживали в просторном комфортабельном трёхэтажном корпусе на территории перевалки. Они привыкли к кочевой жизни и не жаловались на судьбу. Они были армейскими женами. Наоборот, женщины гордились тем фактом, что их муж действующий бригадный генерал, авторитетный молмут, высокопоставленный машид особого отдела, сын самого императора, клон черного короля Укисрака. У них было всё, что могла бы пожелать любая замужняя женщина Вселенной для нормальной и беспечной жизни: забота и внимание мужа, куча украшений и трофейных нарядов, горы инопланетной косметики с разных уголков близлежащих Галактик, различные хобби и развлечения.

Всё это было у Плеширея в изобилии. Ему нравилась кочевая жизнь и принцип: «Всё своё ношу с собой». Поэтому и жены, и семейный корпус – барак-трансформер всегда были при нём и перемещались с одной оккупационной зоны в другую. Он презирал оседлость и уважал мобильность – сегодня здесь, завтра там. Плеширей любил разорять планеты и поработать целые цивилизации. Он входил в состав ди-

ректоров корпорации вредителей Укисракской Империи.

Рядом с покоем жен находились детский сад для плеширеевских детей и ясли для морщекишей, рожденных в полевых условиях. Эти зубастые и крикливые ребёныши с морщинистыми, как у пожилых индейцев, мордашками после инкубационного периода отправлялись в глубокий тыл Чернодырья на планету Вредак, где проходили курс молодого вандала и с десяти лет начинали принимать участие в военных действиях в составе подразделения «Варварюгент».

Все жены Плеширея были чистокровными молмутками и не любили скучать от безделья в ожидании мужа. Они занимали различные должности на перевалке и развлекались садизмом.

Младшая шестая жена Глупинда была главным интендантом вещевого склада и работала кладовщицей. Она выдавала заключенным робу, сапоги, противогазы и рукавицы, снабжала солдат униформой, а пыталыщиков – специнвентарем: зубодробильными кастетами, резиновыми дубинками и наручниками. Глупинда была кудрявой брюнеткой и под толстым слоем грима носила усы. У молмутки были волосатые груди и выпирающие лопатки, что делало ее горбатой в профиль. Она была приземистой и посещала спортзал, где занималась штангой. По молмутским меркам Глупинда считалась красавицей.

Пятая жена Саланта была заведующей продовольственным складом и отвечала за приемку и выдачу продуктов питания. Она была косолапой толстой неряхой. У нее не было талии и шеи. При малейшем движении толстушка вздрагивала тройным подбородком. Частенько Саланта появлялась на рабочем месте в помятом запачканном завтраком костюме с небритой физиономией. Косметикой она пользовалась только по праздникам. Растрепанные длинные каштаново-охровые волосы с трудом укладывались в прическу. Молмутка любила янтарные украшения и морских крыс.

Четвертая жена Мрасилия, рыжая коротко стриженная худосочная шельма, была начальницей овощной базы и постоянно что-то грызла. От нее всегда пахло духами с ароматом квашеной капусты.

Третья жена Аквая, крашенная в синий цвет ноздреватая сексуальная маньячка, была начальницей бани, сауны для начальства и моющего цеха для заключенных, где узников раз в месяц мыли холодной водой из шлангов. Аквая была в летах, но всё еще ерепенилась. Частенько она приставала с пошлыми намерениями сексуального характера к личному составу и к заключенным. Свои седые волосы молмутка красила синькой и украшала голову заколками в виде половых органов различных животных. В банях она могла пристать и изнасиловать любого, а потом ещё и зверски замучить. Плеширей прекрасно знал про амурные дела своей жены и закрывал на это глаза. В критические дни Аквая ходила

по своей мойке в белом, запачканном кровью, халате, постукивая резиновой дубинкой по волосатой ладони. И, не дай бог, в эти дни попасться ей на глаза!

Вторая жена Лодрия, старая костлявая молмутка заведовала переваловской библиотекой. Она любила покой и тишину. Неразговорчивая замкнутая Лодрия имела спокойный характер флегматика с частыми приступами меланхолии. Очень редко она могла позволить себе вспылить и огреть занудного посетителя тридцатикилограммовым манускриптом в свинцовом переплете по голове.

Лишь старшая жена Сукалия выбрала военную специальность и стала профессиональной разведчицей. Ей нравилось входить в доверие, собирать информацию, анализировать и придумывать планы диверсий и операций. Она любила выстраивать на своем подвижном лице разнообразные гримасы, корчить рожи и подделывать голоса. Сукалия была самой умной из жен. Она была мужу незаменимой помощницей и советчицей. Их связывал бездонный багаж воспоминаний. Они и состарились вместе, пройдя очень длинный фронтовой путь молмутского кочевника.

Плеширей уважал Сукалию. Это был по-настоящему самый преданный друг. Их отношения начались ещё на Вредаке, когда они проходили курсы молодого варвара. На лекции по вандализму Плеширей сразу обратил внимание на седую девушку с большим черным бантом, которая сидела с груп-

пой будущих связистов и вела конспект, эротично облизывая грифельный карандаш. Сукалия была альбиносом и старше Плеширея на три года.

После лекции Плеширей отважился и подошел к седой курносой красавице. Шаркнув ногой, он застенчиво произнес:

– Тебя как дразнят?

Её звонкий голосок навсегда запал ему в душу:

– Сукалия, но друзья меня зовут просто Сукла.

Плеширей тоже представился, и девушка залилась задорным смехом:

– Мне нравится! Плеширей, Плеширейка, Плеширеюшка!

Ему не понравилась ирония седовласки и он решил сменить тему:

– Сегодня в театре циклопов премьера. Может, сходим?

Так и завертелось...

Затем судьба их разлучила. Второй раз они встретились уже на фронте, на холодной планете Настон. Плеширей был в чине ефранта, в составе передовых сил принимал участие в разрушении и разграблении местной столицы. Его отряд ломал памятник времени, большое каменное лицо в виде циферблата со стрелками вместо носа. Неожиданно к ним подъехал вездеход с логотипом штабной разведки. Оттуда

выскочила эффектная стройная молмутка с седыми волосами и благородным профилем пекинеса. Это была Сукла. На ней были изящные байковые подчулочники и грубая, как наждачка, куртка из кожи носорога.

– Привет, Плеширейка! – весело крикнула девушка и помахала рукой.

Плеширею не понравилось такое приветствие. Он молча подошел к подруге и сильно ударил ее кулаком в челюсть. Сукла упала на обледенелую площадь и потеряла сознание.

Она очнулась в санчасти. Пожилой лечащий врач, меняя повязку на сломанной челюсти, ей объяснил:

– Сама виновата. Кто же к принцу так обращается?!

Сукла округлила глаза и написала на бумажке: «Какой же он принц? Он же обычный ефрант». Врач прочитал и ответил:

– Он, девочка, императорских кровей. Он тринадцатый сын Укисрака. Стыдно не знать. Просто парень не ищет легких путей. Конечно, он мог бы сразу стать генералом авиации и командовать звездопукским полком. Папа пристроил бы куда угодно. Плеширей настоящий молмут.

На следующий день ее навестил Плеширей. С букетом крапивы он показался в дверях палаты и виновато улыбнулся. Перед ней стоял уже не маленький мальчик, а взрослый мужчина с трехдневной щетиной и неухоженными бакенбардами. Только тогда она поняла свою ошибку.

За время совместной жизни Сукалия подарила мужу два десятка морщекишей, больше чем все остальные жены. Но с годами репродуктивность снизилась, и она перестала доставлять хлопоты акушерам.

Плеширею было больно смотреть, как его любимая жена превращается в старуху. Сам он старел очень медленно, благодаря отборной назюбоке, которая стимулировала весь его организм. Плеширей давно хотел вдохнуть в старую Суклу новую жизнь, вернуть ей молодость и красоту. И он знал, как это сделать. Когда Плеширей открыл досье пленной стюардессы, в нем что-то екнуло. Фигура и облик заключенной ему сильно напомнили молодую Суклу.

План по использованию новой разносчицы в виде суррогатной матери родился не сразу. Плеширей, как всегда, решил посоветоваться со старшей женой. Операцию разрабатывали вместе. Раскачиваясь в креслах кабинета, они оживленно обсуждали детали. Резюмируя, Плеширей однажды сказал:

– Главное, чтобы они не повредили назюбатор. Черт возьми, я недооценил эрудицию бортового компьютера. Надо будет программисту выколоть глаза.

– Ты слишком вспыльчив, дорогой. А ведь хотел землянами украсить праздничный торт? Не кипятись никогда. Гнев парализует разум. Сколько раз можно повторять?!

В конце фиолетового часа на перевалке наступило за-тишь. В семейном бараке Плеширея было по-домашнему оживленно: суетились слуги и горничные, пахло свежеприготовленной пищей, гремела посуда, шаркали тапочками толстые евнухи.

Жены в махровых халатах с мокрыми волосами после душа сидели в гостиной у камина и обменивались новостями. Не было только старшей жены. Не было Суклы.

– А где это наша старшенькая потерялась? – ехидно скривила рот Глупинда.

– Можно подумать, ты не знаешь?! Опять с кормильцем что-то мутят, – отозвалась Саланта и встряхнула мокрыми волосами.

– Уродские музыканты! – огрызнулась Мрасилия. – Такой праздник испортили. Из-за них у кормильца третий день мигрень.

– Я видела их в коптильном цехе, – сказала Аквая.

– Ну, и как они? Симпатичные?

– Обросшие сильно. Не разглядела. Одного дубинкой отходила и ушла.

– Что, месячные начались?

– Они самые. Заливают, – Аквая закурила и сплюнула

на пол. – Представляете, сегодня в моечную привели дистрофанов. Еле отмыли. Канализацию чистили. Я пол дня в противогазе проходила. До сих пор ночная смена проветривает. Кричу с балкона мойщикам: «Напор убавьте!»

А эти олухи не слышат. И одному струей глаз выбили! Как заорет. У меня чуть пудра не обсыпалась.

– Нам сегодня привезли экспериментальную форму-невидимку, – продолжила разговор Глупинда. – Я померила и... Ах! Испарилась! Солдаты пасти поразевали: «Где госпожа?», «Где госпожа?» А я преспокойненько подошла к одному и как дам кастетом по рогам! Аж искры посыпались. Чертяка заметался и давай выход искать. Я в хохот. Потом пошла крысу ловить. Завелась падла, мои пирожки тырит. Здоровенная! Сразу поймала, меня ведь не видно. Думаю, что с ней делать? А потом махнула рукой, зажарила и съела, как в старые добрые времена. Хорошо так поностальгировала.

– Ты приходи ко мне на продовольственный. Я уже запарилась ностальгировать. Их там видимо-невидимо! Табунами бегают. А ты всё грызёшь?

– Да, капустную кочерыжку, – сконфуженно улыбнулась Мрася. – Зубы чешутся, – И она показала два передних заячьих резца.

– Лодрия, а ты что молчишь? Всё просвещаешься? Поговори с нами.

– Вот, – библиотекарь оторвалась от чтения. – Сегодня перебирала макулатуру и нарыла прикольный земной жур-

нальчик о моде.

Глянцевая периодика пошла по рукам. Мрася прочитала название:

– Урода. Мне уже нравится. И что там?

– А вы сами посмотрите. Эти земляне совсем с катушек съехали. У них в моде шмотки из целлофана.

– Ну-ка, ну-ка, – банщица потянулась к журналу, на обложке которого голый молодой рельефный человек в целлофановых трусах играл на саксофоне. – Всё, хочу на Землю. А тебе туда нельзя, – хохотнула она в сторону Глупинды.

– Это ещё почему? – удивилась штангистка.

– С твоими волосатыми сиськами тебя там ждет тотальная апелляция. Посмотри, какие там бюстгальтеры носят. Всё видно.

Глупинда брезгливо перелистала журнал и швырнула в камин:

– Ерунда полная! А у нас на Вредаке что сейчас в моде?

Лодрия порылась в сумке и протянула подруге молмутский журнал «Красота Злобовещинска»:

– На, утешься.

Глупинда взяла толстый модник и, перевернув несколько страниц, заулыбалась:

– О, в моду входят накладные рога пятнистого зубра! Класс. Уже хочу. Ещё мини юбки из вайвайской кожи, шипованные чулки, туфли на роликах, зеленые тени, фиолетовая помада и черный лак для зубов.

Появился дворецкий – толстый евнух со спиленными рогами и доложил:

– Ужин готов! Подавать?

– Что там у нас сегодня? – спросила Саланта и всплеснула тройным подбородком.

– Жареные бедра саранчи в чесночном соусе, грибной салат, десерт из паутины и луковый сок.

– Подавай прямо сюда. Не будем ждать Суклу. Она опять заявится ночью. Уже труха сыплется, а всё в шпионов играет. Сидела бы лучше с нами у камина и грела свои замшелые косточки, – выпалила Саланта и бросила в камин пару волосяных брикетов, которые ярко вспыхнули и затрещали.

В кабинете коменданта в поздний час, когда на всей территории перевалки наступило относительное спокойствие, шел оживленный диалог. Муж и жена тихо разговаривали:

– Твоё переселение должно случиться сразу после активизации назюбоки. Если ты опоздаешь больше чем на восемь минут, назюбока убьет стюардессу. Произойдет необратимая аннигиляция атомов мозга и сердца. Только молмутская душа может провести полную синхронизацию организма с назюбокой. Не забывай это! Так что рожать придется тебе. Я хотел уберечь тебя от этого, но без синхронизации мы потеряем и стюардессу, и нашего ребенка. И еще. Не вздумай снять с ее памяти блокировку! Снимем ее здесь. Это приказ! – Плеширей строго посмотрел на Суклу.

– А ты, кобель похотливый, все же не удержался и позарился на стюардессу, – ревниво оскалилась старая подруга.

– Она сильно мне напомнила тебя в молодости, – Плеширей виновато улыбнулся. – Ты совсем износилась. Ты похожа на застиранную половую тряпку.

– Я благодарна тебе, дорогой, за то, что оперативно сработал и впаял ей в грудь назюбоку. Мне нравится наш план, – старуха сморщилась в благодарной улыбке.

– Всё будет хорошо, – Плеширей взглянул на часы. – Отец поможет. Только ему под силу сделать это. Он колдун выс-

шего класса и тонкий план со своим загробным миром его вотчина.

– Тебе тоже не мешало бы сменить камуфляж, переселиться в тело помоложе.

– Это лишнее. В моем сердце сидит отборная долговечная назубока. Я – кремень. А то, что облысел и бакенбарды исчезли, это ерунда. Всему виной частая смена климатических условий. Сама знаешь, что по долгу службы приходится бывать и в экстремальном минусе, и в невыносимой жаре.

– И мы с тобой вместе изнашиваемся. Таскаешь нас за собой как собачонок. А младшие меня не порвут на почве ревности, когда я нарисуюсь в бараке в новом образе?

– Ты знаешь, могут. Особенно банщица. Ничего, я подарю им землянина. Пусть потешаются.

– Ты хочешь сделать из него евнуха?

– Наоборот. Я сделаю из него супер молмута, быка-осеменителя. Он станет одним из нас. Доктор Передоз поможет. Поселю землянина в семейном корпусе, сделаю ему офис для случек и сексуальных утех. Женушки останутся довольны.

– Дорогой, открой окно. Что-то мне душно, – старуха попыталась вдохнуть полной грудью и засвистела носом.

Плеширей стоял у открытого окна своего кабинета и смотрел в черный купол звездного неба. Где-то внизу светилась огнями и слегка вздрагивала перевалка, как маленький ре-

бенок во время тревожного сна. Комендант взглянул на часы. До полуночи оставалось десять минут. Плеширей резко повернулся:

– Ну что, ты готова? – он внимательно посмотрел на свою постаревшую первую любовь.

– Да, мой генерал, – старуха подмигнула ему всем своим подвижным морщинистым лицом.

– Тогда раздевайся и ложись на стол. Сейчас ты умрешь, но оживешь там, – он показал пальцем куда-то в потолок. – Ты очнешься на корабле в теле беременной стюардессы. Не бойся, не паникуй и постарайся быстро привыкнуть к телу. Дальше ты знаешь, что делать.

Старуха медленно раздевалась. Когда все одежды упали на пол, Плеширей брезгливо раздул ноздри от увиденных на теле дряблостей, жухлостей и пролежней. Он помог старухе взобраться на стол и лечь на спину.

– Руки на живот, – скомандовал он, и Сукла покорно выполнила приказ. – Закрывай глаза и ни о чем не думай, – он наклонился и поцеловал подругу в морщинистый лоб.

Плеширей еще раз посмотрел на часы и подошел к открытому окну. Недолго думая, он начал читать молитву:

– Инсатикум инфернум! Санктум регнум! Искритикус инкубус! Титаник де чумо!

Вдруг в окно ворвался холодный ветер, а с ним черная

пыль. Облако сделало несколько оборотов по кабинету и зависло над телом старухи. Сукла изогнулась, а из груди выско-чил маленький светящийся шарик. Черное облако поглотило его и унеслось в открытое окно. Плеширей подошел к телу и поискал пульс.

– Вот, и всё. Возвращайся скорее, – он еще раз наклонился и поцеловал мертвую Суклу в синие губы.

11

Вика дремала в кресле пилота. Марк поцеловал ее в щеку, накрыл пледом и посмотрел на экран:

– Всё чисто, – он включил автопилот и пошел в столовую.

Как только землянин появился на пороге пункта приема пищи, включился дневной свет, и кранолетчика обдало стерильной неживой прохладой. Марк включил продуктор и задал программу: «сто грамм пюре, две котлеты, двести грамм томатного сока, пятьдесят грамм сметаны, два кусочка ржаного хлеба».

Аппарат задрожал и через минуту открылся. Марк достал обед, поставил на поднос и направился к ближнему столику. Он опустился на мягкий табурет и принялся за еду. Вдруг душераздирающий крик стюардессы заставил его поперхнуться. Марк выплюнул кусок котлеты, быстро вскочил и побежал по коридору.

Вика лежала на полу и дергалась:

– Марк, родненький! Помоги!

– Что происходит? – он быстро опустился на колени и схватил спутницу за плечи.

– Не знаю. Посмотри на мой зад, – слезы застилали ей глаза.

Он быстро перевернул девушку на бок и снял трусы. Ле-

вая ягодица увеличилась и была синей, как свежая гематома.

Марк испуганно позвал бортовика:

– Что происходит, Боря?

– Полная активация назубатора! – послышался из динамиков знакомый металлический голос.

– А почему в ягодице?

– Он переместился.

– Ой, мама! Я умираю! – Вика потянулась к Марку. – Спаси меня, любимый!

Девушка вдруг обмякла и бездыханная замерла на полу. Марк быстро стал искать пульс, но не нашел:

– Вика, Вика, детка, рыбка моя! очнись, не оставляй меня. Вернись.

– Констатация смерти, – прозвучал безразличный голос искусственного интеллекта, и отважный кранолетчик заплакал.

Вдруг тело Виктории вздрогнуло, затем еще и еще. По лицу пробежала нездоровая судорога. А потом задрожали все части тела и даже ресницы.

Марк с гримасой недоумения застыл, как камень, и наблюдал за происходящим. На долю секунды ему показалось, что лицо у девушки меняется. Так и есть. Оно покрылось глубокими морщинами и стало пепельно-серым. Марк похолодел от ужаса! Это была сморщенная физиономия старой разносчицы. Затем резко всё пропало, и Вика открыла глаза:

– Что со мной? Марк, где ты? Дорогой, обними меня. Мне страшно.

Марк быстро наклонился и обнял девушку:

– Пойдем, я провожу тебя в спальный блок. Тебе надо срочно отдохнуть.

Виктория повисла на шее любовника, а он в свою очередь взял подругу за талию. Парочка не спеша направилась по коридору.

– Ложись, – Марк открыл саркофаг.

– Не закрывай капсулу, может, в туалет захочется, и не выключай свет.

– Хорошо, – они поцеловались, и Марк направился в кабину управления.

С плохими мыслями и скверным предчувствием он опустился в кресло. Но нервное потрясение сделало свое дело, и он клюнул носом.

Вдруг Марк проснулся от грубого детского крика. Так и есть. Это в спальном блоке. Он бросился туда. От ужаса Марк застыл на пороге. В открытой капсуле лежал маленький морщинистый ребенок с пепельно зеленым цветом кожи и огромным ртом, в котором дрожал от крика черный язычок. Младенец хаотично вздрагивал маленькими конечностями и пытался встать. Рядом с ним мать в гимнастической позе зализывала себе раны. Она оторвала голову от разрывов и ехидно улыбнулась окровавленным ртом:

– Привет, муженек! У нас пополнение. Как видишь, я сама справилась, акушер хренов.

Это был хриплый голос старой разносчицы. Марк пошатнулся и упал в обморок.

12

Он очнулся в кресле пилота, прикованный наручниками к подлокотникам. Перед ним стояла с младенцем на руках его спутница и зловеще улыбалась. Она кормила грудью страшного лицом малыша в детском комбинезоне. Младенец тянул через сосок левой груди питательную смесь и косился на незнакомца. Марк шевельнул губой:

– Вика, что происходит? – на его небритом лице была одна сплошная растерянность.

– Забудь это дурацкое имя. Я – Сукла, старшая жена Плеширея. Называй меня – госпожа. Понял, землянин?

– Ты бредишь. У тебя жар. Что ты несешь? Что это за карапуз?

– Это сын Плеширея, истинный молмут, – гордо заявила псевдо-Виктория и погладила малютку по морщинистому затылку, покрытому черным пухом.

Марк посмотрел в смотровой иллюминатор и узнал пояс астероидов, который они пролетали днем раньше:

– Куда мы летим? Что с курсом?

– Мы возвращаемся.

– Куда возвращаемся? – Марк не хотел верить своим ушам.

– Ясно куда – на перевалку.

– Ты совсем рехнулась! – он дернулся. – А ну, освободи меня. Боря! – позвал он бортовой компьютер. – Борис! Борисик! Приятель! Дружище! Экстренное торможение всех двигателей! Реверс на сто восемьдесят градусов! Курс...

– Ха-ха-ха! – засмеялась девушка. – Он не слышит тебя. Я изменила программу и почистила жесткий диск. Твой голос навсегда исчез из его памяти, – и она крикнула в потолок. – Продажная шкура! Протестируй вакуумный насос в биотуалете!

– Слушаюсь, госпожа! – отозвался знакомый металлический голос бортового компьютера.

– Видишь, придурок, кого он слушается? – и она снова засмеялась.

Марк похолодел. Этот смех ему был знаком. Это был смех старухи-разносчицы. Сукла как будто прочитала его мысли. Она отдала малыша роботу-няньке и достала из кармана комбинезона контактный зажим, похожий на бельевую прищепку. Девушка ехидно покрутила зажимом перед носом у Марка:

– А на этой прищепке я сушила трусы своего первого мужа. Ну ты и лошара! Ха-ха! Экстремафилы Бозяуха. Любой сопливый морщёкиш Чернодырья знает, что Бозяух – это национальный герой, действующий бригадный генерал молмутской армии, отозванный императором в загробный мир, где продолжает служить Родине. Его ангелы смерти ко-

гда-нибудь и до тебя доберутся. Но тебе повезло, землянин. Еще не время. Тебе уготована другая участь. Можно сказать, тебя ждет почетная награда. Не знаю, чем ты приглянулся моему мужу? Быть тебе, Маркуша, одним из нас. Быть тебе молмутом.

Она подошла вплотную к Марку и погладила его по небри-
той щеке:

– А, знаешь, ты мне тоже нравишься. Всегда нравился. Когда я приходила к тебе с обедами на вышку, мне всегда импонировали твоя наивность и чувство юмора. Одно время я даже жила этими визитами и спешила к тебе на встречу, чтобы в очередной раз напитаться позитивом. И, знаешь, чего мне больше всего хотелось? – Марк промолчал и опустил глаза. – Это заняться с тобой звериным сексом прямо на вышке в объективе камеры наблюдения. Но тогда я была старухой. Сейчас ко мне вновь вернулись молодость и силы, – она прикоснулась губами к уху землянина. – Давай, мой лошара, сделаем это.

– У тебя же разрывы.

– Их уже нет. Я воспользовалась клеточным генератором, – язык ведьмы-обольстительницы прошелся по щеке и носу землянина.

– Что, и наручники снимешь?

– Да. Тебе всё равно не одолеть меня, – она прижалась губами к его губам. – Боря, выключи свет и включи музыку.

Они лежали в спальном блоке, обнявшись и тяжело дыша. Сукла нежно поглаживала Марка по плечу. Восстановив дыхание, она шепнула:

– А ты хорош, землянин. Мне понравилось.

– Можно подумать, мы первый раз с тобой встречаемся, – глядя в потолок, ответил Марк.

– Со мной первый раз.

– Вика, хватит дурачиться. Это уже не смешно.

– Я же сказала забыть это имя! – рявкнула Сукла и столкнула Марка на пол. – Проваливай. Сеанс окончен. Иди спать в кабину и пристегнись наручниками.

– Разбежался. Ты совсем с катушек съехала, – он поднялся, быстро оделся и пошел по коридору.

– Если не пристегнешься, то я это сделаю. Сейчас приду, проверю. Только малыша покормлю.

Марк плюхнулся в кресло. Наручники висели на подлокотниках. Поразмыслив, он надел «браслеты» себе на запястья и щелкнул замками:

«Совсем сдурела баба. Выпороть бы ее, как следует. Может, это послеродовой синдром? Стоп. Но откуда она узнала про прищепку? Я ей об этом не рассказывал. И летим мы в обратном направлении. Что происходит, черт возьми? Зна-

ний мне не хватает. Как наладить связь с бортовиком?»

– Боря, отзовись! – Марк подал голос, но ответа не последовало. Он закрыл глаза и откинулся на спинку кресла: «Как же на нее повлиять? Через ребенка? Это мысль. Как нас учили в школе кранолетчиков? Каждое действие рождает противодействие аналогичного характера. Зло рождает зло, ненависть – вражду. Любовь рождает жалость, милосердие и понимание. Хорошо. Так мы и поступим».

И тут у Марка родился план. Он еще до конца не обдумал детали, но его структура, его каркас четко отпечатался в сознании.

– Пристегнулся? Молодец, мой сладкий земной пряник.

Марк открыл глаза и увидел в дверях голую Суклу. Ее голос был нежным и ласковым. Она держала за руку ребенка:

– Смотри, мой малыш уже ходит. Как время летит?!

– И не говори. Три часа назад он еще и не помышлял об этом. Какой славный крепыш.

– Мы, молмуты, быстро крепчаем.

– А можно мне с ним поиграть?

– Попробуй, – Сукла сняла с Марка наручники.

Землянин опустился на колени перед ребенком и показал ему фокус с отрыванием пальца. Буруз растянул морщинистое лицо в улыбке. Марк ласково погладил малыша по ма-

ленькой головке:

– Как его зовут?

– Еще не знаю. Плеширей даст ему имя.

– Где робот-нянька? Пусть принесет игрушки, кубики там разные, солдатиков, машинки.

Прошла неделя обратного пути. Связи с перевалкой всё еще не было, и это огорчало Суклу. Но плохое настроение быстро улетучивалось, когда она смотрела, как землянин играет с ее малышом. Марк катал карапуза на спине, изображая лошадь или слона, сажал на плечи, показывал всевозможные фокусы. Из конструктора «Лего» они строили крепости и замки, в альбоме цветными карандашами рисовали причудливые космические пейзажи.

Марк, сам того не ожидая, стал называть малыша «сын-нок», «мой мальчик», а потом и вовсе дал ему кличку «Тузик». Сукла сначала сопротивлялась, но все-таки смирилась.

– Марк, это временно. Только Плеширей может дать имя сыну, – строго говорила мать.

– Конечно, как скажете, моя госпожа, – отвечал Марк, показывая Тузику фокус на картах.

Наблюдая за играми взрослого землянина и маленького молмута, в эти минуты Сукла забывала обо всем на свете. Но ей было всё еще не по себе. Она до конца не освоилась в новом теле, и много мыслей утекало в этом направлении. Сукла прекрасно помнила строгий запрет мужа на снятие блокировки с памяти прошлой жизни стюардессы и добросовестно выполняла этот приказ. Разведчица прекрасно зна-

ла для чего эти меры предосторожности. Но женское любопытство толкало ее на преступление.

Ей хотелось вспомнить последнюю близость с мужем, во время которого произошло зачатие сына, но она не могла. Она боялась. Она знала, чем всё закончится: за доли секунды перелистает, как книгу с картинками, всю жизнь стюардессы, пучком нейронов пробежится по ветвистому лабиринту воспоминаний и упрется в отношения с Марком.

Сукла сидела в кресле пилота и пыталась наладить связь с перевалкой, краем глаза наблюдая, как Марк играет с сыном в «камень, ножницы, бумага». Они улюлюкали и хохотали, периодически выписывая друг другу щелбаны. У нее ничего не получалось. Напрасно разведчица набирала секретные позывные и отправляла в космос. Наконец ей это надоело. Сукла устало откинулась на спинку кресла и задумалась: «Чем я себя тешу? Последней близостью с мужем? Но ведь он овладел стюрдессой против ее желания и под воздействием гипноза. Небось принял облик отметчика и попользовался молодухой. Я прожила с ним долгую жизнь и знаю его как облупленного. У нас с ним куча детей, не считая такой же кучи безвременно ушедших в другой мир. Я никогда не видела, чтобы он играл со своими детьми. Ему всегда не хватало на это времени». Крик малыша разогнал ее мысли.

– Папа! – мальчик радостно потянулся к Марку.

– О, Тузик заговорил! – Марк прижал к себе малыша. –

Первое слово! Поздравляю!

– У всех молмутов первое слово «папа». Так что не радуясь, – солгала Сукла, забирая у Марка сына, в сердцах широко улыбаясь.

«Черт возьми, он уже его папой называет. А ведь мне это нравится. Что же мне мешает снять блокировку? Страх. Я боюсь плешереевского гнева. Но, как разведчик, я имею на это право. Я должна совершенствоваться и утончаться, пополняя свой багаж новыми душевными качествами. Если я упрусь в отношения с Марком и захочу их продолжить, как я смогу оправдаться? Практически никак. „Вхожу в доверие, изучаю будущего врага“ – это уже не прокатит. Но и черт с ним. Надо жить в свое удовольствие. Ходить по лезвию бритвы мне не в первой. У меня будет два мужа: один – кормилец, другой – любовник. Ничего нового. Этот избитый треугольник – старый как мир. Аквая-банщица уже давно стыд потеряла. Что в своих банях творит? И всё ей сходит с рук. Может, потому, что Плеширей ее не любит, а любит меня? Зачем тогда это возвращение? Что он мне сделает, если узнает? Убьёт в порыве ревности? Всё может быть. Но жизнь без риска, как свадьба без невесты. Что мне надо, чтобы снять блокировку? Файл с памятью стюардессы надо вскрыть заклинанием. Сейчас вспомню... Нет, не получается. Давно я его не произносила. По инструкции заклинание надо произнести вслух во время оргазма. О, вспомнила!»

– Можно мне с вами? – Сукла опустилась на колени между Марком и малышом. – В какую игру вы играете?

– Вливайся. Игра называется «дурак», – и Марк начал раскидывать карты.

Этой ночью они спали все вместе. Малыш лежал между взрослыми и игрался погремушкой – черепом какого-то грызуна. Скоро он устал, выронил пластмассовую забаву, закрыл глазки и захрапел.

– Отнеси его в капсулу и возвращайся, – нежно прошептала Сукла.

– Я не ослышался? Или ты хотела сказать: «Топай в кабину и не забудь пристегнуться?»

– Нет, ты не ослышался. Я тебя хочу.

Марк аккуратно взял малыша отнес в капсулу и вернулся:

– Тузик заметно прибавил в весе. Чем ты его кормишь?

– Иди ко мне, – Сукла потянула Марка к себе.

– Что происходит, сударыня? Я вас не узнаю. А вдруг связь наладилась, и твой муженек все видит и слышит?

– Ну, иди же. После того, как сынок назвал тебя папой, во мне что-то екнуло. Возьми меня, любимый, я вся твоя.

Сукла ждала оргазм, но Марк не спешил. В механике любви он был асом. Любовник плавно совершал телодвижения и шептал подруге в губы:

– Вернись ко мне, детка.

– Хорошо, только не останавливайся. Я возвращаюсь...

А...А...А! – и Сукла заголосила. – Спиритус холиус дай-верус! Мемори опенус крейтерус! Глориум уникум фактум терниум азм!

Вдруг в сознании вспыхнула яркая вспышка, и полчища эндорфинов разбежались по всему телу. Цветное кино под названием «Жизнь стюардессы» пронеслось пучком фотонов по лабиринтам женского мозга. Девушка разжала объятия и потеряла сознание.

Когда она очнулась, Марк лежал рядом и смотрел в потолок:

– Не хотел тебя будить. Я покормил малыша.

– Спасибо, милый, – Сукла прижалась к нему. – Помнишь тот вечер на перевалке, когда мы с тобой танцевали медленный танец? Ты какую музыку слышал?

– Криса де Бурга.

– А я Полину Гагарину.

– Что, память вернулась?

– Да. Я сняла блокировку. Я все вспомнила. Представляешь, ты у меня первый мужчина.

– А как же этот? – Марк кивнул в сторону карапуза, чье похрапывание доносилось из капсулы.

– Это всё козни Плеширея. Он меня взял обманом, затуманив мозги гипнозом. Он был в твоём облике, и я думала, что это ты на мне дергаешься. Так что считай, Тузик – твоих рук дело.

– Ладно. Зачет. Подожди, – Марк вскочил и выбежал из спального блока.

Через две минуты он вернулся с подносом:

– Омлет для влюбленных! Завтрак для двоих! С возвращением, детка!

Марк и Сукла уселись по-турецки на кровати и принялись за еду.

– Как же мне теперь вас величать, госпожа? – он лукаво подмигнул подруге.

– Как тебе больше нравится, – Сукла проглотила кусочек омлета и запила апельсиновым соком.

– Ты меня так напугала своим заклинанием.

– Я его не произносила лет двести.

– Так, значит, ты разносчица, жена коменданта и стюардесса в одном флаконе? – Марк откусил сосиску, предварительно окунув ее в кетчуп.

– Да, я профессиональная разведчица и очень много знаю по этому профилю.

– Конспирация, слежка, пароли?

– Ага. Это нам на руку, – и они засмеялись.

– Ты говоришь «нам»? – Марк перестал улыбаться. – Я думал, что нам не по пути.

– Еще как по пути. Ведь я тебя люблю.

– Кто именно? – Марк не спеша пил виноградный сок.

– Хорошо. Тебя любит Сукла в образе стюардессы. Ведь по сути Виктория умерла. Её душу безвозвратно забрал Уки-срак. Теперь в молодом теле стюардессы будет хозяйничать душа Суклы, буду жить я. Мне досталась ее память, которая

парализует действие назубоки, когда я с тобой. Но если тебя рядом нет, я снова старая и вредная молмутка. Не покидай меня, любимый, и всё у нас будет хорошо.

– У нас это называется – «шизофрения», раздвоение души и всё такое.

– Просто я стала мультиплетом. У нас в разведке это приветствуется. Чем больше ты вытеснишь душ из бранных тел, чем больше пустот своего разума заполнишь чужой памятью, тем ты круче и опытнее.

– Представляю, какая каша у тебя в голове. Спать не мешает?

– Нет. Всё расфасовано по отдельным папкам и каждая покоится строго на своей полке. В голове должен быть порядок как в библиотеке. К примеру, нужно мне встретиться с тобой, я сразу открываю папку с грифом «Любимый Марк» и становлюсь нежной и пушистой. Гормоны радости переполняют всё тело, адреналин давит на глазные яблоки, и я на седьмом небе от счастья.

– Но мы ведь летим на перевалку.

– Да, мы возвращаемся. И мы будем вместе. Поверь, теперь будет всё по-другому, и я тебя в обиду не дам.

– Может, будем счастливы где-нибудь в другом месте?

– Плеширей нас везде найдет и убьет обоих. Бозяух по тоннелям времени пошлет своих головорезов и нам капец.

– Черт возьми, опять этот Бозяух. Значит, опять перевал-

ка? Будь она проклята!

– Да, мой хороший. Пойми, так будет лучше для нас обоих. Вы бы всё равно не долетели до Земли. Вика неправильно вычислила азимут и ошиблась в длительности пути. До Земли лететь не менее двадцати лет. К тому же она не учла ловушки Плеширея, которые надо заблаговременно обходить, меняя курс. Длительность пути увеличилась бы в разы. А если заблудитесь?

– А что за ловушки такие? – Марк допил сок, поставил поднос с посудой на пол и принял горизонтальное положение.

– Я сама точно не знаю, где и когда они могут встретиться. Только Плеширей знает и управляет ими. Представляешь магнитное облако? Звездолет, проходя через ловушку, выходит из строя, ломаются все приборы, и глохнет реактор. Всё живое на борту быстро стареет и умирает.

– Тяжелаяк, – Марк взял молмутку в образе стюардессы за руку.

– Скоро появится связь с перевалкой, – виновато шепнула Сукла.

– Так чего мы ждем? – Марк потянул девушку к себе.

– А вдруг Плеш... – она не договорила. Любовник закрыл ей рот поцелуем.

В квадрате «мертвых крыс» появилась связь с перевалкой. На экране замаячило страшное лицо коменданта. Марк, в который раз, икнул от презрения к этой физиономии. Он сидел в кресле пилота, пристегнутый наручниками и корчил недовольную мину. Сквозь помехи вырвался знакомый бас:

– Всё в порядке?

– Да. Мы возвращаемся, – Сукла натужно улыбнулась мужу.

– Где отметчик? А, вот, вижу. Проблем с ним не было?

– Нет. Всё прошло гладко.

– Ребенок где?

– Спит.

– Принеси, покажи. Я хочу видеть своего отпрыска.

Сукла вызвала робота-няньку. Старая модель на колесах вкатилась в кабину. Крепкие из титанового сплава руки надежно держали ребенка. Малыш недовольно морщился и, казалось, что вот-вот заплачет.

– У, какой! – заулыбалось страшное лицо на экране, оголив клыки. – Настоящий машид!

Ребенок вдруг приподнялся и потянул маленькие ручки к землянину:

– Папа, давай играть в шашки.

– Спокойно, Тузик, – краем рта бросил Марк карапузу. – Обязательно поиграем.

– Не понял? – огрызнулся Плеширей. – Это какой еще папа? Что здесь происходит? Сукла, хитрожопая лисица, я жду объяснений!

– Всё нормально, – быстро нашлась разведчица. – Просто наш морщёкиш начал говорить. А отец, как всегда, отсутствует. Кстати, ты нашел малышу имя? – жена пошла в наступление. – Или нам его всю жизнь Тузиком называть?

– Нет, мне некогда, – смягчился виноватый муж. – Тузик, говоришь? А что, хорошее имя. Пусть будет Тузиком. Тузик, Тузий, Тузиан. Мне нравится. Молодец, Марк! Всё, конец связи, – и тут же изображение утонуло в мусоре помех.

Прошел месяц обратного пути. С каждым днем перевалка становилась всё ближе. С каждым сеансом связи уже отчетливо вырисовывалось на экране лицо коменданта и звук становился чище.

За это время Тузик заметно подрос и раздался в плечах. Он уже хорошо говорил и произносил свистящие звуки. А после тихого часа бегал по коридорам звездолета, своим топотом действуя на нервы. По вечерам они с Марком играли в карты на щелбаны и в морской бой. Однажды землянин решил, что пора, и научил малыша играть в шахматы. Дело пошло. Теперь Тузик с шахматной доской под мышкой ходил по пятам за Марком и просил: «Папа, давай поиграем!

Папа, давай поиграем!». Марк не знал, куда себя деть. Сукла часами просиживала в библиотеке, зачитываясь шпионской публицистикой и детективами. После вечернего сеанса связи с комендантом, они вместе ужинали и шли спать. Это были самые приятные минуты томления в замкнутом пространстве.

Тузиан всегда ложился между мамой и папой, и взрослые покорно ждали, когда малыш наиграется, наговорится и уснет. Тогда Марк бережно переносил спящее тельце на детскую кровать, и начиналось взрослое время.

Любовники с пристрастием отдавались друг другу, наслаждаясь горячими поцелуями и бархатными объятиями, шептались, шутили, хихикали и мечтали.

Горела дежурное освещение, а в динамиках еле слышно звучала легкая музыка. Марк и Сукла разомкнули объятия и, тяжело дыша, откинулись на подушки. Землянин вдруг спросил:

– Слушай, почему у вайваев такой странный облик? Их безносые лица и брови под глазами всегда вызывают у меня недоумение и улыбку.

– Эх, ты, балда! – оживилась Сукла. – В любом учебнике по древней истории вайвайского мира об этом есть целый раздел. Эту легенду на Почемурии знают все – от мала до велика. Давным-давно главный бог вайваев – Вайлолорик, будучи юнцом, на плотской ярмарке лишился носа и бро-

вей. Любопытство подвело. На него напал озверевший киборг. После восстания машин много их, взятых в плен, доживало свой бунтарский век на площадках и аренах гладиаторских боев. Так недоразумение прижилось и вошло в жизнь, а от Вайлолорика пошла династия безносых – ядро будущей расы. Как-нибудь расскажу по подробнее. Это длинная история.

– Хорошо. Давно хотел спросить. Почему машид? Кто это? – землянин чмокнул знойную молмутку в горячую щеку.

– Это укисракская гвардия, лучшие из лучших, отборный легион.

– А Плеширей тоже машид?

– Конечно. Самый настоящий.

– А я могу стать машидом?

– Ты? – Сукла задумалась. – Можешь, если проглотишь отборную назюбоку и не отдашь концы. Если она приживется в тебе. Когда назюбока заякорится в твоём сердце, ты станешь одним из нас. Тогда можешь и в черти, и в ефранты, и в машиды. Но чтобы стать машидом, надо быть мультипле-том десятого разряда.

– Ты хочешь сказать, что твой муж обладает десятиразрядной памятью и отправил в загробный мир десять душ?

– Это только официально. Точное число я назвать не берусь. Так что будь осторожнее с ним. Он очень опасен.

– Давно ты вышла замуж за Плеширея? – вдруг спросил

Марк, считая тускло горящие лампочки на потолке.

– Ой, давно. Молодой была. Такой, как сейчас, – выдохнула Сукла и погладила землянина по плечу.

– Значит, прищепки, булавки, пуговицы от кальсон – это всё прогон чистой воды? – Марк посмотрел на разведчицу.

– Конечно, мой любимый наивный идиотик. Я тебе навешала лапши, – Сукла улыбнулась и показала Марку язык.

– Ха, убедительно.

– Что ты? Я сама, порой, себе удивляюсь. Марк, расскажи мне о своей семье, – девушка резко сменила тему разговора.

– Нечего рассказывать. Обычная земная семья, двое детей. Работа – дом. Секс по выходным. Ничего особенного.

– Что же ты тогда так рвешься на Землю?

– Куда-то же надо рваться, стремиться. Куда-то должно тебя тянуть, – в голосе Марка зазвучали грустные нотки. Сукла пожалела, что начала этот разговор.

Дерзкая молмутка положила голову землянину на плечо и прошептала:

– Как я хочу, чтобы тебя тянуло только ко мне, чтобы я стала твоей гаванью, стала твоим магнитом.

– Но я не могу забыть свою семью, своих родных и близких, свою Родину, наконец.

«Хорошо, мы тебе это устроим. Посмотришь, комфортней тебе станет жить или нет», – подумала Сукла, а вслух сказала, но как-то расплывчато, безвекторно и отстраненно:

– Интересно устроена душа. Меняется всё – время, про-

странство и природа, стареет тело, но душа остается перво-
зданной. А всё почему?

– Почему? – Марк округлил один глаз.

– Потому что душа – это батарейка, энергетический корм,
который одинаково нужен как светлым, так и темным силам.
Ей нужна оболочка, чтобы вдыхать жизнь, приводить в дви-
жение чувственные процессы.

– Э, куда тебя понесло? Давай лучше спать, – предложил
Марк и закрыл глаза.

– Давай, – они обнялись и уснули.

Марк проснулся от слабых, но настойчивых толчков в свободное плечо. На втором преспокойно посапывала Сукла. Он ничего не понял, пока что-то невидимое не подергало его за большой палец ноги, не накрытый черным шелковым покрывалом. Он напряг зрение и всмотрелся в темноту. В ногах стояла какая-то незнакомая фигура. Марк услышал шёпот:

– Вставайте, только аккуратно, чтобы никого не разбудить, и следуйте за мной.

Марк узнал свой родной язык, но с корявым безобразным акцентом:

– Это куда еще?

– В столовую. Живее.

Марк освободился от руки молмутки, положил ее бережно на подушку и на цыпочках последовал за незнакомцем. В столовой горело дежурное освещение, и он разглядел ночного незваного гостя. Это был белокурый гуманоид, ниже среднего, с красным лицом, как будто его обварили кипятком. На нем был современный инопланетный комбинезон со множеством карманов и каких-то кнопок. Марк впервые видел такую умную навороченную униформу. На рукаве был светящийся шеврон со странным гербом и тремя буквами, похожими на «ИКБ». Он ткнул пальцем в незнакомый лого-

тип и, зевая, спросил:

– Ты кто такой, парень? И что значат эти три буквы?

– Ты – землянин, значит, будем говорить на твоём языке, – отозвался незнакомец. – Это значит «Интерпол Космического Братства». Меня зовут Стокар. Я – махап. Мы, махапы, соседи вайваев и тоже воюем с молмутами. Я – инспектор по чрезвычайным происшествиям, – протараторил гость и застыл в ожидании очередного вопроса.

– Как ты сюда попал? – удивленно поинтересовался кранолетчик.

– Мой прилипун пришвартовался на крыше вашего звездолета. Мы пасем вас уже второй месяц. У меня к тебе куча вопросов. Я знаю, что вы сбежали с перевалки, а потому осмелился на проникновение внутрь. Ведь ты землянин, а земляне наши союзники. Хотя на вайвайско-махапском фронте ваших нет. Почему вы возвращаетесь на перевалку?

– Решили, что паршивая жизнь лучше нелепой и абсурдной смерти в космическом океане. Послушайте. Я с удовольствием могу не возвращаться, если вы меня отправите домой. В гробу я видел эту перевалку.

– Нет-нет, возвращайтесь. Я всё равно не смогу вас забрать. Мой прилипун рассчитан на одно посадочное место. А подогнать звездолет, значит, засветиться. Его зафиксирует молмутская радиоэлектронная разведка, и тут же уничтожат вражеские пульсвисты. Я предлагаю вам другой вариант – сотрудничество против общего врага. Чем скорее мы одоле-

ем Плеширея и ему подобных, чем скорее освободим Почемурий, тем скорее вы вернетесь домой.

– А это не развод? Я уже один раз попался на удочку, развели, как последнего лоха, – печально улыбнулся Марк.

– Последнего кого? – краснолицый гость сделал вопросительное лицо.

– Ладно, проехали. Давай дальше.

– Вы прекрасно знаете, чем опасны молмуты. Если сегодня их не остановить здесь, завтра они придут к вам. И ваша Земля превратится в одну большую перевалку.

– Ближе к делу, – Марк перебил гостя.

– Вам ничего не надо делать. Просто я оставлю на вашем теле маленький жучок, и всё, о чём будут говорить вокруг вас, мы будем слышать. Нам нужно больше информации, чтобы нанести удар.

– Опять эти жучки. Мне уже один ставили. Стоп. Всё будете слышать? И мои ночные постельные бдения тоже?

– Интимные разговоры нас не интересуют. Мы – военные. Конечно, прослушивать будем, ведь ночью тоже можно услышать военную тайну.

– Не, ребята, я в эти игры больше не играю, – Марк покачал перед носом инспектора указательным пальцем, а сам подумал: «Хватит с меня того, что со мной спит разведчица-шизофреничка». – Давай-ка, дружок, в свой прилипун, отлипляйся и дуй к своим махапам. Да рожу помажь сметаной, хорошо от ожогов помогает.

– Хорошо. Прощайте.

С этими словами маленький ошпаренный махап достал какой-то предмет, похожий на футляр от сигары и быстро направил землянину в лоб. С кончика «сигары» сорвалась яркая вспышка. Марк закрыл глаза, открыл рот и, еле волооча ноги, подошел к инспектору. «Сложный человек. Так. Память удалена. Пусть лучше ничего не помнит» – инопланетянин достал другой прибор, похожий на степлер, и проком-постировал Марку мочку левого уха. Махап хлопнул землянина по плечу:

– Береги ухо, Марк. Жучки у нас на вес золота, – он надел скафандр, нашел пальцем на комбинезоне нужную кнопку, нажал и исчез.

Марк остался стоять в столовой с открытым ртом и вывалившимся языком, с которого начала капать слюна. Через десять минут он очнулся:

– Что я здесь забыл? – Марк вытер с груди липкие слюни и пошел в спальный блок.

Прошло два месяца обратного пути к перевалке. Сукла продолжала на сеансах связи заверять мужа, что всё идет отлично. В сущности так и было. Малыш рос как на дрожжах. Он уже самостоятельно читал легкие детские книги и показывал маме фокусы на картах, которым его научил Марк.

Как только с экрана исчезало страшное лицо коменданта, Марк отстегивал наручники и бежал в спальный блок, где они с Тузиком начинали прыгать на кровати и мутузить друг друга подушками. Постепенно к ним присоединялась мама. Но в этой подушечной войне она постоянно проигрывала. Марк и Тузик, не сговариваясь, объединялись и шли против нее. Заваленная подушками, она думала: «Между нами уже натянулась незримая стальная нить взаимопомощи. А ведь не зря говорят, что истинный отец не тот, кто выложил в утробе матери под сердцем свой хромосомный паcьянс, а тот, кто формирует сознание ребенка, проявляет заботу и внимание. Боже мой, я меняюсь тоже. Ещё месяц такой жизни и я совсем запутаюсь, а Плеширей раскусит меня. Нет, надо срочно закрывать папку „Мой любимый Марк“ и ставить на полку. На время. Надо побыть молмуткой. Как мне не хочется. Что мне для этого нужно? Опять прочитать заклинание во время оргазма».

Ночью любовники снова встретились. Когда Сукла застонала и прокричала заклинание, Марк не удивился, а только дернул себя за мочку левого уха:

– Что ты, детка? Аж в ухе зазвенело!

– Уйди прочь, – молmutка сбросила с себя землянина и добавила ногой в живот, отчего кранолетчик улетел в дальний угол спального блока.

– Ты рехнулась, ты совсем спятила! – застонал Марк, потирая ушибленный затылок.

– Не трогай меня больше. Иди в кабину и пристегнись. Скоро прилетим.

От шума и грохота проснулся ребенок. Он закричал и, выскочив из детской кровати, оседлал мать:

– Если еще хоть раз папу пальцем тронешь, я тебе бороду сломаю, – он помог Марку подняться, затем быстро лег на свою кровать и уснул.

Кранолетчик, хромая, ушел в кабину, и Сукла осталась одна. Считая удаляющиеся шаги землянина, она невольно подумала: «Как быстро взрослеют дети, принимая участие в скандалах родителей. Где-то я уже это видела. Сначала Плеширей повредил мне челюсть. Теперь и сын норовит». Она терзалась угрызениями совести, но заглаживать вину, уже не было времени. Сукла прошла по коридору и остановилась в дверях кабины управления. Марк сидел в кресле с закрытыми глазами.

– Извини меня. Надо входить в роль. Скоро прилетаем. Я

сняла маскировку. Нас уже сопровождают пульсвисты. Игра закончена, Марк. Прости, если сможешь.

Землянин ничего не ответил. Сукла развернулась и пошла в спальню.

Утром Плеширей последний раз вышел на связь:

– Сукла, я спецом задержал твои похороны. Так что вы прилетите к началу панихиды. Похороны старшей жены коменданта – дело серьезное. Так что, смотрите там, чтоб без фокусов. Жены пока не в курсе. Ты для них всё ещё новая разносчица. Береги Тузиана. Марк, гнойная задница, – он обратился к землянину. – Отвечаешь за них головой.

– Хорошо, – ответил землянин и моргнул глазами.

Страшное лицо коменданта заволокло помехами, и изображение исчезло. Сукла повернулась к Марку:

– Посмотреть свои похороны со стороны. Ха, в этом что-то есть! Интересно взглянуть на реакцию младших женушек, на их рыдания. Я сразу увижу фальшь. Марк, что ты молчишь?

– Я не хочу с тобой разговаривать, – и он закрыл глаза.

Где-то в глубинах космоса без габаритных огней, обтянутая защитной маскировкой, парила станция махапской разведки со странным гербом на борту. По коридорам огромного корабля бегали маленькие белокурые гуманоиды с красными лицами и в умных комбинезонах. В кабинете по сбору информации, в креслах сидели инспекторы и оперативники. Они смотрели на экраны и оживленно беседовали:

– С такими черепашьими темпами мы долго будем ловить Плеширея.

– Освобождение Почемурия может затянуться, а всё из-за дурацких экстремафилов.

– Да, защита, что надо.

– До сих пор удивляюсь, как это возможно? Космотрасса «Вредак – Почемурий», по которой прибыла молмутская саранча, тоже под защитой этих коварных микрочастиц.

– Да, функционал плеширеевского мультипроцессора нам пока не известен.

– Теоретически мы знаем, но от этого не легче. Персональный мультипроцессор Плеширея, этот загадочный прибор, – вот, что нас волнует. Благодаря ему, молмуты из Чернодырья прибывают по коллектору времени и в одночасье поработают слабозащищенные планеты.

– Да, Почемурий внутри гигантского изоляционного об-

лака темной антиматерии, как алмаз в желудке акулы.

– А ведь Плеширей всего лишь один из целого легиона окисрацких машидов. И у каждого есть свой личный мультипроцессор, торжественно врученный самим императором.

– Да, работы непочатый край. Сколько еще цивилизаций испытает на себе молмутскую тиранию?!

– Стокар, ну, что там у тебя с жучком?

Инспектор оторвался от экрана, снял один наушник и крутнулся на кресле:

– Поставил землянину в мочку уха. Не хотел соглашаться, пришлось память слегка подчистить.

– А камеры слежения?

– Я настроил свой камуфляж на пропускание электро-магнитного излучения. Для камеры я был совершенно не видим. Встал к ней спиной.

– А если их там не одна, а несколько?

– Я проверил пеленгатором – в столовой и в спальне было по одной камере.

– А разговор?

– Я говорил телепатически. На записи будет только разговор землянина. Будет похоже, что парень в полусонном состоянии немного пообщался сам с собой.

– Что там происходит на борту?

– Любовь на все басы. В постели кувыркаются, – он вдруг затих. – Оденьте наушники! Послушайте, это интересно.

Все присутствующие быстро последовали совету инспектора. Из динамиков вырвалось молмутское заклинание. Лица махапов стали серьёзными.

– Она, что, молмутка? – удивился один.

– Это же заклинание на включение-выключение блокировки памяти, которое известно только молмутским секретным спецагентам! – заявил другой краснолицый махап.

– Стокар, как ты мог не заметить? – с укоризной спросил пожилой оперативник.

– Я думал, – сконфуженно произнес молодой инспектор, – что она тоже... Это. Оттуда. Это же пленная стюардесса.

– Значит, уже не стюардесса. Неужели Укисрак вмешался? – пожилой махап округлил глаза. – Ладно, с кем не бывает? Мы все не застрахованы от ошибок. Нам еще не под силу контролировать тонкий план. Это не наша компетенция. То, что у них любовь – это нам на руку. Может, что-нибудь и нароем.

В дверях появился диспетчер из секретной части:

– Стокар, вас хочет слышать штаб ГРУ. Переключитесь.

– Хорошо, – инспектор быстро поправил наушники и нажал нужную кнопку. Через две минуты он отчеканил. – Слушаюсь! Так точно! Всё понял! Вылетаю!

Чтобы не привлекать внимания, звездолет с музыкальными символами на борту залетел на перевалку через аварийные ворота. На часах была полночь – время молмутских похорон. Когда произошла полная остановка двигателей и открылись двери, Сукла взволнованно посмотрела на огромную толпу в черных плащах рядом с часовней. От огромного количества провожающих в последний путь старшую жену коменданта ей стало не по себе. Она протянула руку и несколько капель дождя упали на ладонь. Сукла сморщила нос и стала быстро спускаться по ступенькам. Марк и Тузик последовали за ней.

Вооруженная охрана незаметно проводила беглецов на территорию жилого комплекса в семейный корпус. Старший евнух выдал им черные плащи и перчатки, и такого же цвета каски с фонариками над козырьком:

– Идите. Плеширей ждет вас. Он среди родственников.

Марк, Сукла и Тузиан включили лампочки, взяли за ручки и осторожно пошли к молмутской часовне, где шелестела плащами толпа родных и близких покойницы.

Тело старой Суклы лежало в открытом гробу, установленном на лафете. Её морщинистая маска лица не выражала эмоций. Седые длинные волосы были идеально расчесаны,

а на затылке красовался большой черный бант.

Старая молмутка была в военном парадном мундире, сплошь увешанном наградными планками и регалиями. Её худые руки были прижаты к груди, а пальцы сложены в дули и показывали в небеса двойную конструкцию «фига с маслом».

Марк вдруг сглотнул комок недоумения. Молмуты плакали черными слезами, растирая их по пепельным, страшным и корявым лицам. Легкий ветерок теребил черные ленточки, привязанные к фонарям и к рогам чертей из охраны. Плеширей с женами в скорбном молчании стояли у гроба и смотрели на усопшую, освещая ее фонариками, изредка сморкаясь и сплевывая. Комендант посмотрел на беглецов и слегка кивнул головой в их сторону.

Сукла увидела своих взрослых детей и крепче сжала руку Тузиану. У нее защемило в сердце, а по щекам потекли слёзы. Марк заметил это и, не поворачивая головы, тихо спросил:

– Ты что? Этого ещё не хватало. Радоваться надо.

– Чему радоваться? – глотая соленый раствор дистиллированной воды, ответила Сукла. – Это же я, это мои дети. Это мои похороны. Тебе не понять.

Наконец слово взял Плеширей:

– Молмуты! Мы понесли невосполнимую утрату! Глубокий траур опечалил наши лица. Этой ночью вдали от роди-

ны, от Чернодырья, мы провожаем в последний путь великую молмутку и гениальную разведчицу. Ушла из жизни моя старшая жена, мой друг и советчик. Мне будет не хватать любимой. Сукалия просила, чтобы ее тело забальзамировали и положили в семейном склепе. Я выполню последнюю волю усопшей. Так тому и быть! – он поднял руки и заголосил. – О, всемогущий Укисрак! Прими душу своей верной молмутки, утоли голод и запей вечностью!

Комендант засунул покойнице в ноздри два пальца, затем провел ими по своим синим губам, отошёл в сторону и махнул рукой. Это означало, что можно прощаться остальным.

Марк шепнул Сукле:

– Фу, что за хрень? Что он делает? Нельзя ли просто в лоб поцеловать?

– Нельзя. Это древний молмутский ритуал безусловного обоюдного доверия, как у вас поцелуй.

Заголосила самая младшая жена Глупинда:

– Прощай, Сукла! Ты всегда мне была сестрой. Нет, ты была мне как мать. Я всегда слушалась тебя. Я никогда не забуду, как ты учила меня пользоваться инопланетными прокладками и имитировать оргазм, – она проделала старый молмутский ритуал и отошла от гроба.

Пятую жену совсем прорвало. Саланту понесло:

– Так тебе и надо, вобла сушеная! Мне твои остроты по поводу щетины уже, вот, где, – толстушка приложила реб-

ро ладони к небритому кадыку и отошла в сторону.

Запричитала четвертая жена-худышка Мрасилия. Она спрятала в карман плаща недоеденную капустную кочерыжку и прослезилась:

– Прости меня, Сукла, за то, что я воровала у тебя туалетную бумагу и подсыпала один раз тебе пурген в вечернюю простоквашу.

– Спи спокойно, старая карга! – заплакала Аквая. – Извини за голословные обещания. Я так и не сводила тебя в баню на оргию. Прости.

Только Лодрия ничего не сказала. Она с надменным лицом выполнила ритуал и подошла к мужу. Когда попрощались дети и родственники, Плеширей махнул рукой и лафет тронулся:

– На бальзамирование! – скомандовал комендант. – Музыканты, траурный марш!

Грянула заунывная тяжелая на слух музыка. Марк не поверил глазам. Кранолетчик узнал ребят из группы Слейертура, на звездолете которых они с Викой пытались удрать. Бедняги-музыканты еле держались на ногах. С закопченными лицами они походили на трубочистов, а грязные в колтунах волосы не шевелились на ветру.

Толпа потянулась за лафетом на окраину жилого комплекса, где находилось небольшое элитное молмутское кладбище. Под фонарями были видны надгробия, памятники

и склепы. Марк взял Тузиана за свободную руку, ободряюще подмигнул заплаканной Сукле, и они втроем пошли следом за похоронной процессией, шагая в хвосте и соблюдая дистанцию.

Бальзамирование прошло успешно. Когда процедура закончилась, покойницу в стеклянном саркофаге определили в семейный склеп. Толпа потихоньку рассосалась, а внутрь зашли только самые близкие. Беглецов тоже пустили.

Марк окинул взглядом слабоосвещенную молмутскую усыпальницу. Стены были увешаны портретами лидеров Чернодырья. Словно кадры из отборных ужастиков, они вызвали у неподготовленного зрителя кратковременное заикание, нервный тик и шевеление волос.

Внимание кранолетчика привлек самый большой портрет – сплошной черный квадрат, лишь в центре светились лютой ненавистью и злобой желтые глаза.

– Кто это? – заикаясь, тихо шепнул Марк.

– Это наш император, – также тихо ответила Сукла.

– А почему только глаза?

– Мы сами его боимся. У многих молмутов при виде лица императора часто случается заворот кишок. Пусть лучше одни глаза.

Началась завершающая часть прощальной панихиды – двухчасовое отпевание усопшей. Рогатый служитель культа в черном плаще, на непонятном Марку языке, начал читать молмутские молитвы.

Жены косились на троицу и шептались:

– Что здесь делают эти эмбрионы? Плеширей совсем спятил от горя. Еще и встал с ними, – прошипела Глупинда. – Что это за шлюха рядом?

– Это новая разносчица, – отозвалась толстая Саланта. – Хоть бы номер изолентой заклеила. Совсем стыд потеряла. Что за карлика они за руки держат? На молмутского зверобоя смахивает.

– Не внебрачный ли это зверомальчик? – скривила рот Мрася.

– Не удивлюсь, если завтра в нашем бараке этот зверюнь начнет охотиться на крыс, а эту прошмандовку муж объявит новой женой, – ехидно улыбнулась Аквая. – Что с него взять – старый кобель!

– Я ей устрою, – огрызнулась Мрася. – Пурген еще остался. Лодрия, а ты что молчишь? Всё яд копишь?

– Не стройте козни за спиной своего кормильца. Пожалеете, – спокойно ответила меланхоличная Лодрия. – Лучше прикройте свои поганые рты, дайте послушать молитву, – жены замолчали и прислушались к охрипшему басу священника.

Плеширей как будто прочитал их дурные мысли. Комендант засунул руку в карман, нашел на связке ключей секретный брелок и обратился к новой разносчице:

– Повернись ко мне, – он провел брелоком по лбу девушки, и номер исчез.

Кранолетчика поселили на третьем этаже семейного корпуса, прямо под крышей. Комната была маленькой, но уютной. Марк сразу увидел на потолке противопожарный датчик, а в дальнем верхнем углу камеру слежения. «Небось ещё штук пять где-то замаскировано» – подумал землянин и опустился в кресло. В комнате было всё необходимое, а также рабочий стол, на котором стоял компьютер и лежал большой журнал. Из стакана торчали карандаши, маркеры и авторучки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.